

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

комментарии к пройденному

КОММЕНТАРИИ К ПРОЙДЕННОМУ

МАГИИ КНИГ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ ПОДВЛАСТНЫ ВСЕ!

18+

Книги братьев Стругацких

Борис Стругацкий

Комментарии к пройденному

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Стругацкий Б. Н.

Комментарии к пройденному / Б. Н. Стругацкий — «АСТ»,
2018 — (Книги братьев Стругацких)

ISBN 978-5-17-107928-4

Представляем «Комментарии к пройденному» Бориса Стругацкого. Полная история создания произведений братьев Стругацких. Читатель впервые сможет узнать о литературной «кухне» знаменитых фантастов: о том, как зарождались идеи повестей и романов, как создавались тексты, как пробивались произведения сквозь гнет советской цензуры, и многое, многое другое.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-107928-4

© Стругацкий Б. Н., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

1955–1959 гг	7
«Страна багровых туч»	7
«Извне»	14
«Спонтанный рефлекс»	15
«Человек из Пасифиды»	17
«Шесть спичек»	18
«Испытание СКИБР»	20
«Забытый эксперимент»	21
«Частные предположения»	24
«Чрезвычайное происшествие»	25
«Путь на Амальтею»	26
1960–1962 гг	27
«Возвращение. Полдень, XXII век»	27
«Стажеры»	38
«В наше интересное время»	40
1961–1963 гг	41
«Попытка к бегству»	41
«Далекая Радуга»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Борис Натанович Стругацкий

Комментарии к пройденному

© Борис Стругацкий, наследники, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Комментарий начат в 1997 году (самая ранняя дата файла: 10.03.97). Черновик закончен 8.03.98

Внезапно обнаруживаешь, что забыл, оказывается, то, что, казалось бы, всегда раньше помнил и что должен был бы помнить всегда.

Например: когда мы задумали и начали собирать материал по сказочной повести, названной тогда условно «Маги» и ставшей впоследствии известной под названием «Понедельник начинается в субботу»? В архиве есть разрозненные наброски. Есть заметки. Есть заготовленные впрок смешные имена и хохмочки специального назначения. А вот даты – нет. Нет даты.

Разумеется, сохранился (в значительной степени) архив. Сохранилось большинство писем. Сохранились рабочие дневники. Сохранились кое-какие черновики, заметки и наброски. Брульоны. Но!

Вот, скажем, запись в рабочем дневнике (26.09.1976). Подробный список имен действующих лиц, с указанием возраста и профессии – как бы для пьесы. Подробное расписание событий под названием «вид общий».

(«...7. Симода уводит в горы радиста; через 7 дней придет корабль, а надежда на связь плохая.

8. Смерть повара. Симптомы.

9. Похороны.

10. Расправа с пилотом, лишенным алкоголя...» и т. д.)

Описание событий – с точки зрения каждого из участников (пока он еще жив).

Помню, что все они погибают. Помню, что задумывалось все это как фантастический детектив. Помню, что действие происходит на острове... Но ЧТО ИМЕННО там происходит? Отчего они все умирают, один за другим? Болезнь? Чудища из моря? Пришельцы?

Почему пилот (он же охотник-профессионал Уоллес Уиллер, 50 лет) был «лишен алкоголя»? Кем лишен? С какой целью? И как с ним, черт побери, «расправились»?

В чем исповедался доктор («...18. Исповедь доктора. Истерика Меллера. Самоубийство...»)? Доктор – это, видимо, Махино Симода, 40 лет. Но может быть и Пак Хин, 55 лет, который был врачом некоего миллионера Роберта Монака, 60 лет. Меллер – это Готфрид Меллер, 30 лет, палеобиолог, но что за истерика с ним случилась?..

Ясно, что в те далекие поры, двадцать с лишним лет тому назад, основная ситуация задуманной повести была настолько нам очевидна, что мы даже не потрудились записать ее (не в первый и не в последний раз). А потом замысел был отставлен, и все благополучно позабылось. (Тогда, в ноябре, мы занялись разработкой «Отчета Абалкина», хотя сам Абалкин к тому времени еще не был даже придуман, а разведку на планете Надежда вел Максим Каммерер.)

Примеров такого рода абсолютных и окончательных провалов в памяти я могу привести, может быть, не слишком много, но они имеют место, и это не только раздражает, но и пугает меня. Нельзя. Жалко же! Надо, пока не поздно, заняться такими вот специфическими воспоминаниями, а то, глядишь, через десяток лет и вспоминать будет нечего. Да и некому.

Разумеется, эти мои заметки не могут представлять сколько-нибудь широкого интереса, и вряд ли можно рассматривать их как самостоятельный и самодостаточный текст. Это – всего лишь комментарии к данному собранию сочинений АБС, и вне такового они и рассматриваться-то не должны.

Более того. Далеко не каждому читателю, пусть даже и поклоннику АБС, эти заметки будут интересны. В конце концов, кому какое дело, как именно задумывалась «Улитка на склоне» и какие перипетии претерпевала в процессе написания? Кто был прообразом Горбовского, и откуда взялось название «Понедельник начинается в субботу»? Почему «Гадкие лебеди» существовали изначально как совершенно самостоятельное произведение, а потом, пятнадцать лет спустя, вдруг сделались содержанием «Синей Папки», романом в романе?..

Не думаю, чтобы меня самого в возрасте 15–20 лет заинтересовали бы вопросы такого рода применительно к обожаемому Г. Дж. Уэллсу или нежно любимому А. Р. Беляеву. Однако в возрасте 30–40 лет мне уже, помнится, было интересно знать, почему Г. Дж. так круто ушел вдруг от фантастики в суконный реализм, и правда ли, что в творческой жизни А. Р. Беляева роковую роль сыграл ныне уже почти забытый А. Р. Палей?

Так что определенный круг благосклонных читателей предлагаемых заметок обрисовывается: это, во-первых, фэны, фанаты, которых интересует ВСЁ, а во-вторых, – серьезные читатели, склонные копать глубоко и широко в поисках «золотой жилы смысла».

Ни в коей мере не следует рассматривать эти заметки как «Воспоминания о пережитом» и, тем более, как мемуары типа «Наша жизнь в литературе». Для этого нет никаких оснований. Жизнь моя (да и АН, пожалуй) отнюдь не изобиловала – слава богу! – ни увлекательными приключениями, ни загадочными событиями, ни социально значимыми поступками, ни – хотя бы – тесными контактами с великими людьми XX века. Поэтому мемуары мне писать просто не о ком и не о чем, и «Комментарии» эти суть не более чем по возможности систематизированные заметки относительно написанного АБС за тридцать пять лет – то, что показалось мне (лично мне!) любопытным; или заведомо неизвестно широкой публике; или представляет собой ответы на вопросы читателей, накопившиеся за все эти годы.

1955–1959 гг

«Страна багровых туч»

Если бы не фантастическая энергия АН, если бы не отчаянное его стремление выбиться, прорваться, *стать* – никогда бы не было братьев Стругацких. Ибо я был в те поры инертен, склонен к философичности и равнодушен к успехам в чем бы то ни было, кроме, может быть, астрономии, которой, впрочем, тоже особенно не горел. От кого-то (вполне может быть, что от АН) услышал я в ранней молодости древнюю поговорку: «Лучше идти, чем бежать; лучше стоять, чем идти; лучше сидеть, чем стоять; лучше лежать, чем сидеть; лучше спать, чем лежать...» – и она привела меня в неопикуемый восторг. (Правда, последнего звена этой восхитительной цепочки: «...лучше умереть, чем спать», я, по молодости лет, разумеется, во внимание никак не принимал.) АН же был в те поры напорист, невероятно трудоспособен и трудолюбив и никакой на свете работы не боялся. Наверное, после армии этот штатский мир казался ему вместилищем неограниченных свобод и невероятных возможностей.

(Потом все это прошло и переменялось. АН стал равнодушен и инертен, БН же, напротив, выиграл и взорлил, но, во-первых, произошло это лет двадцать спустя, а во-вторых, даже в лучшие свои годы не достигал я того состояния клубка концентрированной энергии, в каком пребывал АН периода 1955—65 гг.)

К 1955 году у нас было:

- «Пепел Бикини» – художественно-публицистическая повесть, написанная АН в соавторстве со своим армейским приятелем Л. Петровым (опубликована в журнале «Юность»);
- фантастическая повесть «Четвертое царство», написанная АН в одиночку, нигде не опубликованная и (кажется) никуда, ни в какое издательство никогда так и не посланная;
- фантастический рассказ «Виско», написанный БН в одиночку и получивший высокую оценку учительницы литературы (впоследствии уничтожен автором в приступе законного самобичевания);
- фантастический рассказ «Затерянный в толпе», написанный БН в одиночку, – вымученная и нежизнеспособная попытка выразить обуревавшую его тогда идею «приобретения памяти» – путешествий сознания по мирам Вселенной;
- «Первые» – чрезвычайно эффектный и энергичный набросок несостоявшейся фантастической повести, задуманной некогда АН (и использованный позже в «Стране багровых туч»);
- «Как погиб Канг» – фантастический рассказ АН, написанный им еще в 1946 году (от руки, черной тушью, с превосходными иллюстрациями автора);
- «Песчаная горячка» – первый опыт работы вдвоем, фантастический рассказ, сделанный в манере такого прозаического буриме: страницу на машинке – один, затем страницу на машинке – другой, и так – до конца (без предварительного плана, не имея никакого представления о том, где происходит действие, кто герои и чем все должно закончиться)...

(Году этак в 54—55-м в мамином доме появилась откуда-то старинная пишущая машинка – странной вертикальной конструкции, вся облупившаяся, пыльная, нелепая, но с удивительно точно отрегулированными мягкими клавишами, нажимая на которые ты испытывал почти физическое наслаждение. Все, что написано было нами – и порознь, и вместе – до 58-го года, написано было на этой машинке. Иногда я совершенно серьезно думаю: а состоялась бы вообще братья Стругацкие, если бы эта машинка не попала к ним, а своевременно

обрела бы законный свой покой на какой-нибудь свалке? Воистину, серьезные последствия имеют зачастую в истоке своем самые что ни на есть пустяковые причины.)

В соответствии со сложившейся уже легендой АБС придумали и начали писать «Страну багровых туч» на спор – поспорили в начале 1955-го (или в конце 1954-го) на бутылку шампузы с Ленкой, женой АН, а поспорив, тут же сели, все придумали и принялись писать.

На самом деле «Страна» задумана была давно. Идея повести о трагической экспедиции на беспощадную планету Венеру возникла у АН, видимо, во второй половине 1951 года. Я смутно помню наши разговоры на эту тему и совершенно не способен установить сколько-нибудь точную дату. Подавляющее большинство писем БН того периода утрачено, но большинство писем АН, слава богу, сохранилось, так что некий хронологический пунктир проследить все-таки можно. Вот несколько цитат.

Между 1.11.51 и 12.04.52 (видимо, первое письмо АН с Камчатки): «Обдумываю повесть о Тарзане – новом, другом, настоящем звере – жестоком, хитром, мстительном: назову его Румата – каково? „Берег Горячих Туманов“ меня не удовлетворяет, придется много переделывать, вплоть до изменения фабулы».

Это самое первое документальное упоминание повести о Венере. (И самое первое упоминание имени Румата, между прочим.)

10.12.52 – письмо АН: «...меня заинтересовали твои возражения по поводу „БГТ“. В связи с этим смею задать пару-другую вопросов. Во-первых: писал ты, что вода на Венере исчезла, когда солнце жарило раз в сто сильнее, чем прежде. Любопытен я знать, когда это могло быть и существовала ли тогда сама Венера. Второе: ежели нет на Венере воды, что же собой представляет облачный покров, ее (Венеру) покрывающий? Третье: ежели (опять же) нет на Венере воды, то лепо ли полагать ее (Венеру) обитаемой даже репейниками и муравьями, ибо известно, что жизнь вообще-то зиждется на воде и белках? Четвертое: почему надо считать, что небо на Венере должно выглядеть черным при красных сумерках? (Хотя бедному Аиду хватило бы и черных сумерек при белом небе.) Все это мне подробно пропиши, ибо хотя название «Страна Багровых Туч» очень мне нравится, но изменение моей концепции Венеры влечет за собой весьма сугубые последствия, в частности изменение или даже вообще усекновение мест в моей повести, кои мне дали с трудом и мнятся вельми эффектными».

Видимо, это самое первое упоминание собственно о «Стране багровых туч». АН активно размышляет на эту тему, а БН помогает, чем может, – дает «научно-техническое обоснование».

23.02.53 – письмо АН: «...План моей литературной деятельности (на 1953 год): 1. „Страна Горячих туч“ – повесть. 2. „Румата и Юмэ“ – повесть... „Страну“ начал бы уже давно, но ты не отличаешься внимательностью: где сведения <о дейтериевой и тритиевой воде>? Кроме того, мне нужно знать, намного ли выше была температура в области прото-Венеры температуры в области прото-Земли в критический для <водорода> момент?.. А идея крепнет и развивается. „Хиус versus Линда“ все-таки имеет быть. Насчет „Румата“ – пока только наброски. Получается что-то похожее на „Сына Тарзана“ – но все равно, буду писать...»

Замечу в скобках, что повесть «Румата и Юмэ» так никогда и не была написана. Не видел я и набросков. Надо думать, эта работа у АН не пошла. Что же касается «Страны...», то некое – и существенное! – продвижение имело-таки место.

Вот отрывок из письма АН от 5.03.53: «...хочешь мужского разговора – давай поговорим. Прежде всего – о моих литературных талантах. Очень уж ты их преувеличиваешь. Конечно, теоретически можно представить себе этакий научно-фантастический вариант „Далеко от Москвы“, где вместо начальника строительства будет военно-административный диктатор Советских районов Венеры, вместо Адуна – Берег Багровых Туч, вместо Тайсина – нефтеносного острова – „Урановая Голконда“, вместо нефтепровода – что-нибудь, добывающее уран и отправляющее его на Землю... Четыре раза пытался я начать такую книгу, написал уже целых полторы главы... И каждый раз спотыкался и в отчаянии бросал перо. Дело не в том, что я

не могу себе представить людей в таких условиях, их быт, нравы, выпивки, мелкие ссоры и большие радости – слава богу, хоть в этом ты не ошибся, мне просто было бы достаточно описать людей, окружающих меня сейчас. Дело гораздо глубже и проще – я совершенно не подготовлен *технически*, не имею ни малейшего представления о возможных формах производства или там добычи урана, о возможных организационных формах не только такого фантастического, но даже и обычного предприятия, о том, чем роль инженера отличается от роли мастера или техника и т. д. и т. п. Моя полная неграмотность в этой области жизни лишила меня способности дать фон всем моим большим и маленьким конфликтам, и они, несчастные, беспомощно повисли в пустоте. Вот почему приходится признать полное поражение на фронте „Б. Б. Т.“. Согласись, ну какой тут к черту реализм, когда ничего мало-мальски реального я не могу поставить в основу повести? Поэтому я сузил задачу и написал просто рассказ о гибели одной из первых экспедиций на неведомую планету – Венеры я бегу, ибо там из-за твоих песков и безводья не развернешься. Рассказ типа лондоновского „Красного божества“ – последний кусочек судьбы человека, гибнущего в одиночестве...»

Здесь имеется в виду названный выше рассказик «Первые». Он, помнится, произвел на БН сильнейшее впечатление, и многие эпизоды из него в дальнейшем попали в «Страну...».

Ни одного письма, датированного 1954 годом, не сохранилось. Существует письмо БН без даты, относящееся, видимо, к весне 1955 года. Судя по этому письму, работа, причем СОВМЕСТНАЯ, над СБТ идет уже полным ходом – во всяком случае, составляются подробные планы и обсуждаются различные сюжетные ходы. В апреле 1955-го АН еще в Хабаровске, ждет не дожидается увольнения из армии и заканчивает повесть «Четвертое царство». Но уже в своем июльском 1956 года письме БН рецензирует первую часть СБТ, вчерне законченную АН, и излагает разнообразные соображения по этому поводу. В постскриптуме он обещает: «Начну теперь писать как бешеный – ты меня вдохновил».

Таким образом, историческое пари было заключено, скорее всего, летом или осенью 1954 года, во время очередного отпуска АН, когда он с женой приезжал в Ленинград. Мне кажется, что я даже помню, где это было: на Невском, близ Аничкова моста. Мы прогуливались там втроем, АН с БНом как обычно костерили современную фантастику за скуку, беззубость и сюжетную заскорузлость, а Ленка слушала, слушала, потом терпение ее иссякло, и она сказала: «Если вы так хорошо знаете, как надо писать, почему же сами не напишете, а только все грозитесь да хвастаетесь. Слабо?» И пари тут же состоялось.

Писалась «Страна...» медленно и трудно. Мы, оба, представления не имели, как следует работать вдвоем. У АН, по крайней мере, был уже определенный опыт работы в одиночку, у БН и того не было. Планы составляли вместе, но главы и части писали порознь, каждый сам по себе. В результате: АН закончил черновик первой части – БН завяз еще в первой главе; АН всю пишет вторую часть – БН кое-как закончил первую главу первой части, и она, разумеется, ни в какие ворота не лезет в сравнении с уже сделанным – там другие герои, другие события, и сама стилистика другая...

В июле 1956 года АН пишет отчаянное письмо: «...Единственно приемлемыми, хотя и практически неравноценными являются 2 пути.

1-й – длинный и сложный, сулящий массу осложнений: ты будешь писать свое, не обращая внимания на то, что сделано мною. Синтезировать наши работы будет в таком случае гораздо сложнее.

2-й – наилучший, по моему глубокому убеждению, состоит в следующем: на базе имеющейся теперь в твоём распоряжении схемы создавать новые эпизоды, вычеркивать то, что тебе не нравится, добавлять и убавлять, изменять как угодно в пределах основной идеи и заданных действующих лиц и ситуаций (их, впрочем, тоже – можно изменять). Все эти изменения по мере их накопления пересылать мне на просмотр и оценку, на что я буду отвечать согласием

или несогласием... Это очень ускорит нашу работу, и тогда можно надеяться, что к моему отпуску – я приеду в Ленинград в конце декабря – вчерне у нас все будет готово...»

Увы. К декабрю ничего не было готово. АН привез с собою черновик второй части, ознакомился с жалкими плодами деятельности БН и сказал: «Так. Вот машинка, вот бумага, садись и пиши третью часть. А я буду лежать вот на этом диване и читать «Порт-Артур». Я – в отпуске».

Так оно все и произошло.

В апреле 1957 года рукопись «Страны багровых туч», выправленная и распечатанная по всем правилам, была уже в московском Детгизе и ждала внутренней рецензии. (Что касается исправлений и распечаток, то не могу не привести здесь чрезвычайно характерного отрывка из письма АН от 29.04.1957: «...Кстати, о 3-й части. Видно, по грехам моим господь послал мне соавторов-клизмачей: один вообще пальцем не притронулся к рукописи ¹, другой любезно предоставляет мне всю техническую часть работы, считая для себя зазорным отделать по-человечески оформление. Скажу тебе откровенно, что я, как редактор, на порог не пустил бы автора с рукописью в таком виде – текст подслеповатый, неаккуратный, изобилует грамматическими ошибками. В общем, свинья ты, брат мой...»)

Рукопись пролежала в Детгизе два года (сдана в набор в апреле 1959-го). Это был довольно обычный срок прохождения, по тем временам. Но нам-то тогда казалось, что идет, бредет, ни в какую не желает окончиться вечная вечность.

Редактор наш, милейший Исаак Маркович Кассель, пребывал в очевидном раздвоении чувств. С одной стороны, рукопись ему явно нравилась – там были приключения, там были подвиги, там воспевались победы человечества над косной Природой – и все это на прочном фундаменте нашей советской науки и диалектического материализма. Но, с другой стороны, все это было – совершенное, по тем временам, не то. Герои были грубы. Они позволяли себе чертыхаться. Они ссорились и чуть ли не дрались. Косная Природа была беспощадна. Люди сходили с ума и гибли. В советском произведении для детей герои – наши люди, не шпионы какие-нибудь, не враги народа – космонавты! – погибали, окончательно и бесповоротно. И никакого хэппи-энда. Никаких всепримиряющих победных знамен в эпилоге... Это не было принято в те времена. Это было идеологически сомнительно – до такой степени сомнительно, что почти уже непроходимо.

Впрочем, в те времена не принято было писать и даже говорить с автором о подобных вещах. Все это ПОДРАЗУМЕВАЛОСЬ. Иногда на это – намекалось. Очень редко (и только по хорошему знакомству) говорилось прямо. Автор должен был сам (видимо, методом проб и ошибок) дойти до основ правильной идеологии и сообразить, что хорошее (наше, советское, социалистическое) всегда хорошо, а плохое (ихнее, обреченное, капиталистическое) – всегда плохо. В рецензиях ничего этого не было.

АН: «Получил (наконец-то!) рецензию и беседовал с редактором. Изумление мое при чтении рецензии было неопишным. Можно ожидать хорошей рецензии, можно ожидать плохой рецензии, можно ожидать кислой рецензии... но мы получили пьяную рецензию. Рецензент не понял ни черта. <...> Держал рукопись он почти пять месяцев, третью часть проглядел для порядка и накатал «по первому впечатлению», причем все перепутал и многого не заметил, и вообще was jumping at the conclusions ². Обгадил он нас с головы до ног, но, strange though it may seem ³, написал, что над повестью следует работать и у нее есть задатки и пр.»

(Как мало тогда мы знали о рецензиях – каковы они бывают и каким именно образом пишутся! Фамилия рецензента была М. Ложечко – я запомнил ее на всю жизнь, ибо прочитав

¹ Имеется в виду соавтор АН по повести «Пепел Бикини». – *Примеч. БНС.*

² Делал поспешные выводы (*англ.*).

³ Как это ни покажется удивительным (*англ.*).

– некоторое время спустя – его труд, был от него в полной и бессильной ярости и бегал по стенам как разозленный гигантский паук-галеод из рассказа Конан Дойла-сына. Сама рецензия, к сожалению, не сохранилась.)

Сохранилось, к счастью, письмо АН от 29.09.57, содержащее программные, совершенно необычные по тем временам соображения о том, как нам надлежит писать. Сначала он перечисляет произведения НФ последнего времени и делает вывод:

«...все эти вещи (кроме, конечно, „Туманности“) объединяют по крайней мере две слабости: а) их пишут не писатели – у них нет ни стиля, ни личностей, ни героев; их язык дубов и быстро приедается; сюжет примитивен и идея одна – дешевый казенный патриотизм, б) их писали специалисты-недоучки, до изумления ограниченные узкой полоской технических подробностей основной темы. <...> И еще одно – этого, по-моему, не учитываешь даже ты. Они смертельно боятся (если только вообще имеют представление) смешения жанров. А ведь это громадный выигрыш и замечательное оружие в умелых руках. В принципе это всем известно: научная фантастика без авантюры скучна. Голого Пинкертоня могут читать только школьники. Но пользоваться этим законом никто не умеет. Первую серьезную пробу <...> сделали мы в „СБТ“, хотя еще не подозревали об этом...»

Далее приводится цитата из предисловия А. Аникста к «Тихому американцу»: «<Это> произведение разностороннее, содержащее и элементы детектива, и черты романа тайн; это и психологическая драма, и военный репортаж, и произведение с откровенно эротическими мотивами, и острый политический памфлет. <...> и читателю только остается удивляться тому, как убедительно звучит это неожиданное сочетание столь разнородных элементов».

И снова АН: «Понял, браток? Понимаешь теперь, какой громадный козырь упускают наши горе-фантасты! Наши произведения должны быть занимательными не только и не столько по своей идее – пусть идея уже десять раз прежде обсасывалась дураками – сколько по а) широте и легкости изложения научного материала; «долгой жюльверновщину», надо искать очень точные, короткие умные формулировки, рассчитанные на развитого ученика десятого класса; б) по хорошему языку автора и разнообразному языку героев; в) по разумной смелости введения в повествование предположений „на грани возможного“ в области природы и техники и по строжайшему реализму в поступках и поведении героев; г) по смелому, смелому и еще раз смелому обращению к любым жанрам, какие покажутся приемлемыми в ходе повести для лучшего изображения той или иной ситуации. Не бояться легкой сентиментальности в одном месте, грубого авантюризма в другом, небольшого философствования в третьем, любовного бесстыдства в четвертом и т. д. Такая смесь жанров должна придать вещи еще больший привкус необычайного. А разве необычайное – не наша основная тема?»

Авторы все еще пока – НАУЧНЫЕ фантасты. Они еще далеки от формулы: «Настоящая фантастика – это ЧУДО – ТАЙНА – ДОСТОВЕРНОСТЬ». Но интуитивно они уже чувствуют эту формулу. В отечественной же фантастике послевоенных лет чудеса имели характер почти исключительно коммунально-хозяйственный и инженерно-технический, тайны не стоили того, чтобы их разгадывать, а достоверность – то есть сцепление с реальной жизнью – отсутствовала вовсе. Фантастика была сусальна, слякуча, розовата и пресна, как и всякая казенная проповедь. А фантастика того времени была именно казенной идиотической проповедью – проповедью ликующего превосходства советской науки и, главным образом, техники.

Мы инстинктивно отталкивались от такой фантастики, мы ее не хотели, мы хотели ПО-ДРУГОМУ. Мы уже даже догадывались, что это значит – «по-другому». И кое-что нам удалось.

В процессе редакционной подготовки «Страна багровых туч» переписывалась весьма основательно по крайней мере дважды. Нас заставили переменить практически все фамилии. (До сих пор не понимаю, зачем и кому это понадобилось.) Из нас душу вынули, требуя, чтобы мы «не вторгались на всенародный праздник (по поводу запуска очередной ракеты) с предска-

занятиями о похоронах». «Уберите хотя бы часть трупов!» – требовали детгизовские начальники теперь уже напрямую. Книга зависала над пропастью.

Из писем АН начала 1959 года: «...Безнадежно. Понимаешь, совершенно безнадежно. Дело не в трупах, не в деталях, а в тоне и колорите». «...Повторяю: чего они хотят – я не знаю, ты не знаешь, они, оне тоже-таки не знают. Они хотят „смягчить“, „не выпячивать“, „светлее сделать“, „не так трагично“. Конкретно? Простите, товарищи, мы не авторы. Конкретные пути ищите сами...» «...Товарищу Н не нравятся умертвия, тов. НН – колорит, тов. ННН – сумасшествие, и все они не согласны друг с другом, но согласны в одном: надо смягчить, светлее сделать, не так мрачно и пр.».

А когда авторы, стена и скрежеща, переписали-таки полкниги заново, от них по высочайшему повелению потребовали убрать какие-либо упоминания о военных в космосе: «...ни одной папахи, ни одной пары погон быть не должно, даже упоминание о них нежелательно», – и танкист Быков «двумя-тремя смелыми мазками» был превращен в БЫВШЕГО капитана, а ныне зампотеха при геологах.

За два года, пока шла эта баталия, АБС написали добрую полудюжину различных рассказов и многое поняли о себе, о фантастике, о литературе вообще. Так что эта злосчастная, заредактированная, нелюбимая своими родителями повесть стала, по сути, неким полигоном для отработки новых представлений. Поэтому, наверное, повесть получилась непривычная и свежая, хорошая даже, пожалуй, по тем временам – хотя и безнадежно дурная, дидактично-назидательная, восторженно казенная, – если смотреть на нее с позиций времен последующих, а тем более – нынешних. По единодушному мнению авторов, она умерла, едва родившись, – уже «Путь на Амальтею» перечеркнул все ее невеликие достоинства.

Здесь я позволю себе повторить то, что писал несколько лет назад в предисловии к 12-му тому «ТЕКСТовского» собрания сочинений. «Страна...» получилась типичной повестью переходного периода, – обремененная суконной назидательностью и идеологическими благоглупостями Фантастики Ближнего Прицела и в то же время не лишенная занимательности, выдумки, подлинной искренности и наивного желания немедленно, прямо сейчас, создать нечто, достойное пера Уэллса или хотя бы Беляева.

Она, надо признать, произвела впечатление на тогдашнего читателя. Например, повесть эта понравилась Ивану Антоновичу Ефремову, мэтру отечественной фантастики того времени, и, по слухам, – Мариэтте Сергеевне Шагинян – одному из мэтров тогдашней литературы вообще. Сергей Павлович Королев читывал ее и выписал оттуда на отдельный листок песню про «Детей Тумана»... Она, видимо, понравилась даже чиновникам из Министерства просвещения РСФСР. Во всяком случае, именно «Страна багровых туч» оказалась единственным произведением АБС всех времен, удостоенным государственной премии, а именно – третьей премии «конкурса на лучшую книгу о науке и технике для детей школьного возраста». (В размере 5000 рублей. Неплохие деньги по тем временам – четыре мамины зарплаты.)

Более того, она понравилась даже читателю зарубежному. В течение первых пяти-шести лет она была переведена и вышла в Польше (дважды), Чехословакии (дважды), ГДР (дважды), Румынии, Западном Берлине, Югославии и Испании. Было время, когда мы даже гордились ею, но это время быстро миновало. Достаточно сказать, что на русском языке мы не переиздавали ее с 1969 года. И в ТЕКСТовское собрание сочинений мы решились вставить ее только, как говорится, под давлением общественности.

Между прочим, нежелание наше имело под собою подоплеку вполне практическую. Во-первых, для того, чтобы подготовить повесть к переизданию, ее, согласитесь, надобно как минимум перечитать, а перечитывать не хотелось решительно. Во-вторых, во весь рост вставал вопрос о необходимости как-то модернизировать текст. Все-таки прошло больше тридцати лет, многое в повести воспринимается сейчас не только как забавный анахронизм, но и как авторская глупость, невежество и вообще бред собачий. Достаточно вспомнить хотя бы то обстоя-

тельство, что действие там у нас разворачивается как раз в девяностых годах нашего века – и ведь практически ничего, ну ничегошеньки в повести не похоже на то, что реально окружает сегодня ее читателя!

И все-таки мы решили модернизированием текста не заниматься. Совсем. Не менять ни строчки, ни буквы. Пусть повесть эта остается в фантастике как некий уродливый памятник целой эпохе со всеми ее онёрами – с ее горячным энтузиазмом и восторженной глупостью; с ее искренней жаждой добра при полном непонимании, что же это такое – добро; с ее неистовой готовностью к самопожертвованию; с ее жестокостью, идеологической слепотой и классическим оруэлловским двоемыслием. Ибо это было время злобного добра, жизнеутверждающих убийств, «фанфарного безмолвия и многодумного безмыслия». И это время не следует вычеркивать из социальной памяти. Самое глупое, что мы можем сделать, – это поскорее забыть о нем; самое малое – помнить об этом времени, пока семена его не истлели.

К настоящему изданию повесть подготавливали «людены»-добровольцы. Они раскопали множество разночтений в черновиках, обнаружили целые утраченные при давней редакции страницы, восстановили многочисленные купюры. Не думаю, что от этого повесть стала лучше, но, с точки зрения знатока и ценителя, она безусловно обрела некое дополнительное измерение. Спасибо вам огромное, дорогие «людены», и особенно Вам, Светлана Бондаренко, – ведь именно Вы проделали основную часть этой титанической работы!

«Извне»

Летом 1957 года БН поехал со своим другом-археологом в экспедицию в Таджикистан, в район Пенджикента. Тамашние пейзажи и приключения натолкнули его на идею написать о вторжении на Землю (и как раз в те дикие и прекрасные места) инопланетных пришельцев-исследователей. Так появился на свет рассказ «Пришельцы» – черновик первого опубликованного произведения АБС «Извне» и эмбрион будущей повести того же названия.

Читающая публика Пулковской обсерватории, где в те поры работал БН, благосклонно откликнулась на публикацию следующим замечательным текстом:

Писатель Стругацкий с фантастикой дружен,
Научно подкован вполне —
Блистает мыслью ми внутри и снаружи
Бессмертная повесть «Извне».

(Братья Стругацкие названы здесь «писателем Стругацким», а короткий рассказик – «повестью», надо понимать, из соображений сугубо эстетических – размер там, рифма, то, сё...)

В «Технике – молодежи» рассказ был опубликован с очень сильными искажениями, авторы впервые тогда напрямую столкнулись с редакторским произволом: первоначальный вариант то сокращался без всякой пощады, то в него требовали вставить что-нибудь новое и совершенно неожиданное (советско-китайскую дружбу, например), то без объяснения причин настаивали на изменении названия «Пришельцы»... Авторы терпеливо и безропотно шли на все. Точнее сказать, терпеливо и безропотно уродовал рассказ АН, – это он принимал на себя все удары, а БН отсиживался в окопах в Питере и ничего этого знать не знал, ведать не ведал. Впрочем, и в первой, авторской, редакции рассказ представлялся ему суховатым, хороша была только идея: Разуму незачем бродить по космосу лично, достаточно послать туда разумные автоматы. Идея по тем временам была свежая и даже в некотором смысле революционная, если учитывать, что само понятие «кибернетика» и все, этому понятию сопутствующее, было тогда ДСП.

Рассказ еще и в свет не вышел, когда появилась идея создать на его основе повесть, в которой и отыгратья за все унижения. Окончательный план повести созрел в апреле 1958-го, и работа тут же пошла.

Нетрудно сообразить, что в основе первого рассказа повести лежат личные впечатления АН от восхождения на Авачинскую сопку, за которое (восхождение) он был даже удостоен значка альпиниста какой-то там степени (невысокой). Вообще совершенно равнодушный к спорту, АН очень этим значком гордился и хранил его в специальной коробочке вместе с прочими наградами.

В повести «Извне» герои АБС впервые обретают прототипов. АН описывает своих друзей-однополчан, БН – начальника Пенджикентской археологической экспедиции. Сходство, надо признать, получилось чрезвычайно отдаленным: прототипы себя не узнали. Впрочем, это, видимо, свойство всех (за малым исключением) прототипов: они не способны узнать себя в литературных героях, как редкий человек умеет узнавать свой голос, записанный на магнитофон.

«Спонтанный рефлекс»

Сильно подозреваю, что рассказ этот начался вот с чего: в конце октября 1957 года АН, дежуря на библиотечной выставке, встретился с неким симпатичным и весьма на вид интеллигентным человеком, который оказался биологом, беззаветным любителем НФ и потенциальным писателем-фантастом, собирающимся писать не о чем-нибудь, а о кибернетике.

«...Тему, брат, он берет рискованнейшую и интереснейшую, – пишет АН в письме от 20.10.57.– Эрудиция у него огромная – то есть, с моей точки зрения, он специально следит за этой областью и читает все новое, что выходит у нас и за рубежом по «зоомеханизмам» и «машинному анимализму». Думаю, что печатать его не будут, а жаль. Даже независимо от литературных достоинств это будет очень интересно. <...> Для чего я это рассказываю? <...> Тема эта – кибернетика, логические машины, механический мозг – висела в воздухе у нас под носом, но никому из нас она и в голову не приходила – *как таковая*. Ты понимаешь меня? Может быть, есть еще земные темы, не замеченные нами? Думай, думай, думай!»

Если учесть, что АН еще до войны был приведен в совершеннейший восторг кинофильмом «Гибель сенсации», снятым по мотивам пьесы Карела Чапека «R. U. R.»... Если вспомнить, что уже тогда он заполнил десятки тетрадных и альбомных листов рисунками с изображениями взбунтовавшихся человекообразных машин, управляемых по радио... Если принять во внимание, что интерес его к этой проблеме зашел так далеко, что он построил тогда из картонных коробок модель робота (точнее, верхней его половины), способную по велению творца своего вертеть картонной головой и двигать картонными же руками... Словом, появление рассказа о разумном роботе было, сами понимаете, предопределено.

27.02.58 – АН: «Сегодня высылаю тебе „Спонтанный рефлекс“. По моему мнению, тему эту необходимо было обработать, ибо по этому вопросу никто еще в нашей литературе ничего не писал...»

Далее АН излагает свои соображения по поводу возможного улучшения текста – сокращение научно-описательной части, «оживляж», добавление юмора и прочее. Ничего этого БН делать не стал – исправил несколько абзацев, переписал концовку, на том весь оживляж и закончился.

Но, может быть, даже этот оживляж оказался излишним: «Техника – молодежи» рассказ отвергла, потому что робот показался им «слишком живым». Время андроидов в отечественной фантастике еще не наступило. Однако же, когда АН отнес нашего робота в «Знание – сила», дело пошло веселее.

27.05.58 – АН: «...В пятницу с работы позвонил в „Знание – сила“. „А-а, товарищ Стругацкий? Приезжайте немедленно. Не можете? А когда можете?“ Короче, я поехал к ним вчера. „С. Р.“ им весьма понравился, за исключением конца (твоего конца). Я это предвидел и привез им свой конец. Мой конец им не понравился еще больше. Их собралось надо мной трое здоровенных парней в ковбойках с засученными рукавами и маленький еврей – главный редактор, и все они нетерпеливо понукали меня что-нибудь придумать – „поскорей, пожалуйста, рассказ идет в восьмой номер, его пошлют в США в порядке обмена научной фантастикой <...>“. И вдруг главному редактору приходит в голову идея: дать рассказ вообще без конца...»

Сколько эмоций! Какие дискуссии! Впоследствии авторы дружно не любили этот свой рассказ, и интересовал нас в связи с ним только один, совершенно внелитературный, вопрос: «Оказался ли „Спонтанный рефлекс“ действительно ПЕРВЫМ в отечественной фантастике рассказом о разумном роботе, или Анатолий Днепров со своей „Суэмой“ нас все-таки опередил?»

Но именно с этого посредственного рассказика начался роман АБС с журналом «Знание – сила», и длился он, этот роман, эта взаимная и горячая любовь-дружба, тридцать лет

и три года, во все времена – и в добрые времена Первой оттепели, и в период Нового похолодания, и на протяжении Ледяных Семидесятых, когда никто, кроме «Знания – силы» (да еще ленинградской «Авроры»), со Стругацкими дела иметь не хотел, – и так вплоть до самой перестройки...

«Человек из Пасифиды»

Второй рассказ АБС. Нелюбимый. Нелюбимый по причинам очевидно-понятым: анти-американская идеологическая дешевка в манере Казанцева – Тушкана. Включен в это издание под сильнейшим давлением Издателя – во имя вящей полноты издания. Ну и бог с ним. Включен и включен... Спокойно можно было бы и не включать.

«Шесть спичек»

Этот небольшой и в общем-то довольно средний по своим достоинствам рассказик имеет богатую предысторию и не менее богатую историю.

Все началось еще в школьные годы БН, когда от своей приятельницы (в которую влюблен он был безнадежно и безответно и у которой родители были сотрудниками Института мозга имени Бехтерева) услышал он совершенно фантастическую историю об исследованиях воздействия на человеческое сознание препарата мексиканского кактуса пейотля. Психика испытуемого под действием таинственного препарата получала якобы совершенно необыкновенные свойства – в частности, у испытуемого вроде бы появлялась способность видеть с закрытыми глазами и вообще – сквозь непрозрачные преграды. Это было – НЕЧТО! С помощью той же приятельницы (она тоже была девочка увлекающаяся и очаровательнейшим образом напоминала Катю из «Двух капитанов») БН раздобыл XVIII том «Трудов Института мозга» и там на странице 55 (ссылка сохранилась) обнаружил статью «К вопросу о психофизиологическом действии „пейотля“».

О «видении сквозь стены» в статье не было ни слова, но и то, что там было, поражало воображение не хуже беляевского романа. «Калейдоскопическая смена образов...» «Во много раз повышается интенсивность зрительных и слуховых ощущений...» «Долгое сохранение в сознании зрительных образов при закрытых уже глазах...» (Я цитирую сохранившийся чудом конспект статьи.) «Аккорды на рояле вызывают ощущение вспышек света разных цветов...» «Впечатление полета времени...» «Перемещение магнита у затылка вызывало впечатление полета метеорита. Поворачивание его на 180 градусов вызывало поворачивание на 180 градусов зрительного образа...» Это, конечно же, было прикосновение к Невероятному! Невероятное, оказывается, и на самом деле существовало в этом суконно-сучном мире, и оно было рядом, рукой подать – тут же, через Неву, простым глазом видно было здание Бехтеревского института.

С тех пор БН надолго заболел проблемами сознания, фантастическими свойствами человеческой психики и прочей парапсихологией – хотя и не знал в те поры этого термина (а может быть, его тогда, в конце 40-х, и не существовало вовсе). Преобразования сознания. Пересадки сознания. Возникновение «несуществующего» сознания... В августе 1955-го БН написал рассказ «Затерянный в толпе», но тут же оказалось, что это попытка с негодными средствами. Через год-два очередная попытка, рассказ с претенциозным названием «Кто скажет нам, Эвидаттэ?». Здесь уже появляется фамилия Комлин и эксперименты по облучению мозга быстрыми частицами. Однако реакция АН оказалась совершенно недвусмысленной и – увы! – совершенно справедливой.

29.01.58 – АН: «Получил твой вариант и, надо сказать, испытал вовсе не восторг. Знаю и цену в тебе отвращение к „тривиальности“, но здесь ты хватил через край. Собственно, нетривиальность сюжета – единственное достоинство твоей вещи, причем загнута так смачно, что, несмотря на явную непригодность вещи, я все же некоторое время колебался и раздумывал над тем, как и что в ней можно исправить. Но по зрелом размышлении решил, что такого горбатого не исправит даже наш советский колумбарий...»

1.06.58 – АН: «...Какое-нибудь животное после воздействия абвгдеж-лучами ведет себя очень странно – видит за стенами, за углом и т. д. Короче, оно приобретает свойство «видеть» в четвертом измерении. И человек, чтобы проверить это, подвергает такой обработке и свой собственный мозг. И тоже начинает видеть «за углом». Смелый эксперимент (или эксперимент, фор чууз), героизм советского ученого, руководящая роль и пр. А? И назвать рассказ „За углом“. А?..»

Контуры будущего рассказа обрисовываются все отчетливее.

9.06.58 – АН: «...насколько я знаю по твоим же рассказам, некоторые препараты начинают так влиять на головной мозг, что человек видит все либо в перевернутом виде, либо начинает видеть через непрозрачные преграды и так далее. Так что в проекте «За углом» я только развиваю эту идею. Можно наделить облученного новыми свойствами – отсутствие необходимости во сне, способность работать сразу несколько дел а-ля Вагнер и все прочее. Я не настаиваю на 4-м измерении, как это ни заманчиво, но решительно протестую против миражей. Миражи – патентованная моча, и ты сам это хорошо понимаешь. Не стоит облучать, чтобы только увидеть миражи. Для этого достаточно напиться».

Потом, месяц или два спустя, появился, наконец, вариант, близкий к окончательному. Назывался он «Восьмой за полгода» и был принят журналом «Знание – сила» после изменения названия на «Шесть спичек». Забавно, это оказался чуть ли не самый знаменитый наш рассказ! Множество раз и по самым разным поводам переводился он на разные языки и в самых разных странах. У меня нет достоверной статистики, но, по-моему, он и сейчас остается самым «переводным» из всех рассказов АБС.

«Испытание СКИБР»

Этот рассказик был придуман и в черновом варианте написан АН. Замысел его возник, впрочем, из размышлений по поводу «Забытого эксперимента».

Начало января 1959-го – АН: «...Я все-таки не оставляю мысли о „Забытом эксперименте“. Психология психологией, а фантастика без смелейшей фантастики – это тоже не дело. Можно сделать небольшую повестушку а ла „Извне“ в трех-четыре главы, написанных от лица разных людей. <...> И роботы. И робот-матка, который управляет рабочими роботами. И прочее...»

Никакой повести а ла «Извне» мы из «Забытого эксперимента» делать не стали, а вот о роботах для исследования чужих планет рассказ появился. Первоначально он назывался «Репетиция СРР».

19.03.59 – АН: «...Сейчас я заканчиваю „Репетицию «СРР»“ и полагаю прислать ее тебе еще до конца марта. Возвращай, пожалуйста, поскорее. У меня странное чувство: не то это потрясное г..., не то что-то до странности любопытное, хотя и не в литературном смысле. В общем, посмотришь и справишь...»

АН ошибался: ничего экстраординарного в этом рассказе не было. После неоднократных авторских доводов и переделок он был опубликован в журнале «Изобретатель и рационализатор». Что характерно.

«Забывтый эксперимент»

Кажется, весной 1957 года состоялся расширенный Ученый совет Пулковской обсерватории, на котором доктор физматнаук и профессор Николай Александрович Козырев прочел (впервые) свой доклад на тему «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении». Доклад вызвал взрыв профессиональных и полупрофессиональных (журналистских) эмоций и сразу же стал сенсацией, не столько, впрочем, научной, сколько околонучной.

Н. А. Козырев был тогда фигурой в советской астрономии значительной, яркой и даже таинственной. Эта фигура сама по себе достойна большой статьи, а может быть, и отдельной книги. Он был другом и научным соперником Амбарцумяна и Чандрасекара. Он отсидел десять лет в сталинских лагерях. Он создал теорию, доказывающую существование нетермоядерных источников излучения звезд. Он рассчитал новейшую и для своего времени совершенно парадоксальную модель атмосферы Венеры. Он обнаружил на Венере грозы с молниями длиной в тысячи километров. В начале 60-х ему удалось получить редчайший и сенсационнейший спектр вулкана, извергающегося на Луне, до той поры считавшейся абсолютно мертвым небесным телом... А в 57-м он объявил: «...принципиально возможен двигатель, использующий ход времени для получения работы. Иными словами, время обладает энергией».

АБС раньше уже использовали полученные Н. А. Козыревым результаты, когда создавали, рисовали, выдумывали мир Страны багровых туч. Разумеется, «эффект Козырева», двигатель, вырабатывающий энергию из хода времени, не мог пройти мимо их внимания. Как и все настоящие НАУЧНЫЕ фантасты, они жадно обшаривали все доступные им околонучные пространства в поисках нетривиальных идей, теорий и, конечно же, сенсаций.

1.06.58 – АН: «...Козырев. Господи, если бы я так представлял себе всю эту механику, как ты, и если бы имел возможность спросить у Козырева, я бы давно уже оформил сюжет, и это было бы как гром с ясного неба для всех фантастов Поднебесной. Ведь на тему „Вечный двигатель“ никто никогда не фантазировал, никто себе не мог представить подоплеку научную этого дела. А ты... Эх ты... Заср, одним словом».

Но дело, конечно, было совсем не в том, чтобы «представить себе механику» и проконсультиться у самого Козырева. Нужна была СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ идея, а не научные детали, тем более что к этому времени уже ясно стало, что сама по себе причинная механика Козырева висит в безвоздушном пространстве, ибо НИ ОДИН из опытов Козырева не казался безукоризненным. (В дальнейшем ВСЕ они были опровергнуты, так что и по сей день теория Козырева остается лишь красивой, но сомнительной гипотезой.)

9.06.58 – АН: «...а через сколько лет начнет излучать энергию маятник весом в сто тонн? Другими словами, нельзя ли придвинуть время действия в двадцать первый, ну, в худшем случае, в 22-й век? Если можно, то можно что-либо придумать».

Тепло, тепло!.. И вот наконец:

Июль 1958-го – АН: «...Рассказ называется „Забывтый эксперимент“. Рабочий сюжет: В конце нашего века впервые в истории человечества институт неклассических механик поставил опыт, рассчитанный на столетия, – где-то в Сибири, в подземельях поставлен этот самый маятник и запущен. <...> В середине двадцать первого века научный город над этим маятником уничтожен в результате опытов с мезонными реакциями. <...> Последующие 50 лет человечество занято огромным наступлением на природу: строятся искусственные спутники, сооружаются термоядерные станции и пр. О маятнике все забыли. И вот в конце двадцать второго века начинается в Сибири кутерьма. А это место было заблокировано из-за радиации, и на него никто не покушался. Посылается экспедиция и пр. и т. д.

Твоя задача: разработать явления, которые там будут наблюдаться, и степени опасности. А также разработать литературный сюжет. Смачно – покажем людей двадцать второго века.

Они освободились от родимых пятен капитализма, но не свободны от печати адамовой – от наследства своих животных предков. Приключения экспедиции, их недоумение, затем их отзывают: в Ак. Наук найдено объяснение. Можно и гибель описать, а главное – отношение к этой гибели. И дать перспективы. Ты напишешь объяснительную часть и дашь отдельные эпизоды. Потом возьмусь я и перешлю тебе...»

По этому плану все и было реализовано, но значительно позже, в апреле 1959-го, и с тем отличием, что БН не в силах оказался написать «объяснительную часть» и написал ее АН. Рассказ получился неплохим и даже – для своего времени – хорошим, если бы не эта проклятая объяснительная часть, висевшая на всем остальном, вполне приличном, тексте «гниющим трупом альбатроса».

23.05.59 – АН: «...Вчера вечером мне звонил Варшавский⁴ и сообщил, что „ЗЭ“ всем в редакции очень понравился, в том числе и ему самому по вторичном чтении. Это очень симптоматично: рассказ просто непривычен для этого жанра. Он не традиционен. „Это настоящая художественная литература без скидок. Попробуйте читать Нагибина, если вас в шутку предупредят, что это детектив. Вы будете разочарованы. Вот так же и здесь“. Одним словом, претензия одна: нужно либо дать больше в научной части, либо меньше. Я думаю, лучше меньше...»

Никак, никак мы еще не умели тогда преодолеть гнет вековых традиций, хотя лучше любого нашего редактора понимали уже, что каждое научное или даже пусть квазинаучное объяснение рвет любую художественную ткань, словно ржавый тесак.

По-моему, именно в этом рассказе впервые у АБС и вообще в фантастике появляется термин «кибер» – для обозначения любой достаточно сложной многофункциональной «разумной» машины. И именно после опубликования «Забывтого эксперимента», как бы подводя итог целому этапу творчества АБС, научный сотрудник ГАО АН СССР Лидия Камионко разразилась пародией, которая никогда нигде не публиковалась и которую я не могу удержаться чтобы здесь не привести целиком.

Спонтанный Поиск

Бр. С-гацкие

Иван Федотович открыл люк и высунулся. Было темно. Вдали виднелся лес. Он был зубчатый и темный. Пахло мокрым. Вездеходный танк стоял перед гигантской котловиной. Он был похож на блоху странного сиреневого цвета. Суставчатые ноги были поджаты, и казалось, что гигантское насекомое дремлет. Что-то гудело и похрустывало, шелкали тумблеры и кенотроны.

– Черт, – сказал Иван Федотович, – не позавтракать ли? Ты как, Термус?

Термус мрачно повертел ручки пульта управления и вытащил откуда-то снизу бутылку коньяка.

– Киберов я послал, – сказал он бесцветным голосом. – Надо ждать.

Он налил по стакану себе и Ивану Федотовичу.

– Дерьмо собачье, – сказал Иван Федотович. – Но как выдержал реактор?

– Мезонная плазма, – сказал Термус. – И не то выдержит.

Они сидели в толстой тени танка.

– Киберы возвращаются, – тускло сказал Термус.

Киберы резво бежали, похожие на поросят на восьми ножках. Они повизгивали, поминутно меняя цвет. Они остановились и сразу стали красными.

– Плохо дело, – сказал Иван Федотович.

А в котловине творилось что-то странное. Края ее заволакивались оранжевым туманом, сквозь который сверкали голубые молнии.

⁴ Один из редакторов журнала «Знание – сила». – *Примеч. БНС.*

– Быстро в машину, – невыразительно сказал Термус.

Двигатель взревел, машина понеслась. Волны тумана захлестывали ее, рушились скалы, извивались красные кольца. Термус потерял сознание. У Ивана Федотовича онемела голова. Звон стоял в ушах. Трещали счетчики.

– Вот сволочь, – подумал Иван Федотович. – Радиация.

Вездеход мчался вперед. Все по бокам слилось в полосы. Промелькнул комар ростом с козла.

– Дьявол, ОТТУДА, – подумал Иван Федотович.

Вездеход начал взрывать. Ивана Федотовича выбросило на черные и скользкие деревья. Он застонал и потерял сознание.

Очнувшись, он почувствовал, что у него оторван левый бок. Рядом лежал обгоревший Термус. Иван Федотович взвалил Термуса на плечи и пополз вперед. Уцелевший кибер деловито шлепал сзади. Он был нежно-голубого цвета.

*Выдержка из Б.С.Э. ***** г. изд.*

ТУМАН ОРАНЖЕВЫЙ. Открыт в ***** г. Термусом и Пафнутьевым. Продукт реакции мезонов, тиратронов, гиперонов, клистронов, экситонов, мегатронов и позитронов. Выделяющаяся энергия равна ***** электрон-вольт. Применяется в сельском хозяйстве для уничтожения вредителей.

«Частные предположения»

В середине 1958 года БН, изучавший тогда для собственного удовольствия и общего развития книгу академика В. А. Фока «Теория пространства, времени и тяготения», наткнулся там в параграфе «О парадоксе часов» на вполне удобопонятный и замечательный расчет, из коего у академика выводилось, что при длительном космическом полете в условиях равноускоренного движения никакого ОТСТАВАНИЯ часов, характерного для знаменитого «парадокса близнецов», не происходит. Более того, получается даже ОПЕРЕЖЕНИЕ! Параграф при этом заканчивался словами: «Не следует, впрочем, забывать, что формула <...> не является общей, а выведена в довольно частных предположениях относительно характера движения».

Идея рассказа напрашивалась сама собою.

21.11.58 – АН: «...Мне очень нравится идея парадокса профессора Фока с растяжением времени. Пусть это не будет строго научно, но надо сделать именно так, как ты предложил: звездолет возвращается из пятнадцатилетнего рейса через сто часов. <...>...командир звездолета заранее *знал*, что так получится, и нарочно произвел эксперимент. Пожертвовать для человечества молодостью – научить человечество добегать до звезд быстро – заманчивая идея. Рассказ назвать „Букет роз“. Кто-то перед стартом дарит пилотам букет, они по рассеянности оставляют его в вестибюле и, возвратившись, видят, что букет только начал осыпаться. А ведь для них прошло полтора десятка лет!»

Рассказ этот многократно переделывался обоими авторами – и поодиночке, и совместно. В последнем варианте от «Букета роз» не осталось даже лепестка.

Это один из первых наших рассказов, написанных в новой, «хемингуэевской», манере – нарочитый лаконизм, многозначительные смысловые подтексты, аскетический отказ от лишних эпитетов и метафор. И самый необходимый минимум научных объяснений – тот минимум, без которого читатель бы ничего вообще не понял, да и сама идея «частных предположений» оказалась бы утраченной.

Кажется, здесь в первый и последний раз у АБС появляется текст, написанный от лица героини, женщины, и, кажется, именно в этом рассказе впервые упоминается звездолетчик Горбовский и его корабль «Тариэль».

«Чрезвычайное происшествие»

Сюжет этого рассказа осенил БН в конце лета 1959 года, когда он, проживая в гостинице-общежитии Пулковской обсерватории, яростно и безуспешно боролся с мухами в своем номере. «Да что же это такое! – воскликнул он наконец в полном отчаянии. – Кажется, чем больше я их бью, тем больше их становится!» Идея рассказа тут же выкристаллизовалась.

АН получил черновик под названием ТЧ (??) в середине сентября и подверг его вполне нелицеприятной, а равно и справедливой критике:

«...Сюжет скверен. Как только читатель добирается до того места (стр. 7), где становится понятным, что мухи представляют опасность, он, читатель, немедленно представляет себе, что будет дальше: безнадежная борьба экипажа, стремление взорваться, лишь бы не завезти заразу на Землю, и, наконец, полная и безусловная дезинсекция на платформе инсектицидов или ультранасадок. Спасти сюжет могла бы только неожиданная, по возможности юмористическая развязка...»

Юмористической развязки не получилось и у АН, но после переделки рассказ (теперь он назывался «Мухи») безусловно стал лучше, хотя по-прежнему не сверкал и всеми цветами радуги отнюдь не переливался. Рассказ как рассказ. В нем не было ничего для нас нового. Свежести не было. Никакой. Нам явно надоедало писать рассказы. Надвигалась эпоха повестей.

«Путь на Амальтею»

Между прочим, изначально эта маленькая повесть называлась «С грузом прибыл». Она и придумана, и исполнена была как «производственная». Самым ценным для авторов была в ней атмосфера обыденности, повседневности, антигероизма, если угодно.

(Задумывалась она под названием «Страшная большая планета» и в самом своем первом воплощении была мало похожа на себя. Я бы сказал – вообще не похожа.

5.06.57 – АН: «...срочно выясни мне все данные о Юпитере и его спутниках – все возможное, гипотетическое, предположительное и т. д. Расстояния до Юпитера, размеры, период обращения, атмосферы, природу и т. д. О самом Юпитере – все, начиная с расстояния до Солнца и кончая гипотезами внутреннего строения. Затем, нельзя ли взять Юпитер, как наилучший объект для проверки „эффекта Козырева“. Эти все данные необходимы мне СРОЧНО».

31.08.57 – АН: «...Между прочим, „Страшную большую“ буду продолжать, душа с тебя вон. Нужно сделать, обязательно. Пусть будет тривиально, но нельзя отдавать Юпитер таким, как <...>».

8.02.58 – АН: «...Теперь о „Страшной большой“. План ты предложил отличный, и он нуждается лишь в некоторых доработках. Преимущества его такие: 1) Первая в СССР вещь на тему о межпланетном пиратстве; 2) Отличная преемственность с „СБТ“; 3) Снова это не флаги и стяги во всепланетном масштабе, а только эпизод; 4) Энергичный сюжет; 5) И тк дл».

К сожалению, упоминаемый выше план не сохранился, – а интересно было бы почитать его сейчас! Там были сражения в космическом пространстве, там были таинственные «Симмонсы» – настоящие, без дураков, пираты, жестокие, омерзительные и беспощадные, оседлавшие межпланетные коммуникации и готовящиеся нанести удар из космоса по Советским республикам...

Ничего этого в первом варианте «Страшной большой» не осталось. Да и не могло остаться.

19.03.59 АН пишет: «...наша идея „СБП“ горит синим огнем. НИКАКИХ боев в межпланетном пространстве. Даже смотреть не будут. Надо придумать что-то другое».

Сама государыня Идеологическая Система была против этого варианта. Обойдясь без пиратов и боев в космическом пространстве, АН, конечно, довел-таки его до конца, но после совместного обсуждения и разбора вариант был отвергнут – уже самими соавторами. В окончательный текст ПнА вошли из него только несколько кусочков.)

Кажется, именно «Путь на Амальтею» была первой нашей повестью, написанной в новой, упомянутой выше, манере «хемингуэевского лаконизма». Кроме того, она впервые работалась и самым новейшим способом: оба соавтора сидят у большого обеденного стола в маминой комнате в Ленинграде напротив друг друга, один за машинкой, другой – с листом бумаги и ручкой (для записи возникающих вариантов) и – слово за словом, абзац за абзацем, страница за страницей – ищут, обсуждают и шлифуют «идеальный окончательный текст».

...Конец октября – начало ноября 1959 года. На улице холодно. Трещат поленья в большой кафельной печи. Мама хлопочет на кухне, иногда заходит к нам на цыпочках – что-нибудь взять из буфета. Все еще живы и даже, в общем, здоровы. И все впереди. И все получается. Найден новый способ работы, работает удивительно легко, и все идет как по маслу: повесть «С грузом прибыл» и три рассказа – «Странные люди», «Почти такие же», «Скатерть-самобранка» – закончены (или почти закончены) были меньше чем за месяц. Казалось, теперь всегда будет так – легко и как по маслу. Но это нам только казалось.

1960–1962 гг

«Возвращение. Полдень, XXII век»

Этот роман задуман был, видимо, в самом начале 1959 года. Вот первое упоминание о нем:

19.03.59 – АН: «Теперь о „Возвращении“. Пришли мне три своих неудачных варианта, хочу поглядеть, по какому пути ты идешь. Все три. У меня сильное подозрение, что ты прешься не по той дорожке – слишком тебя занимает психология. От одной психологии добра не жди. Буду ждать с нетерпением...»

Работа шла трудно. Изначально будущее сочинение мыслилось авторами как большой утопический роман о третьем тысячелетии, но в то же время и как роман приключенческий, исполненный фантастических событий, то есть отнюдь не как социально-философский трактат.

16.12.59 – АН: «...Срочно давай идеи для „Возвращения“. Я более или менее разработал первую часть, но мне нужны хорошие планы для части о „кхацках“ и, самое главное, для части последней – „Творцы Миров“, о человечестве в канун четвертого тысячелетия. Расстарайся, брат. Часть о перелете к кхацкам должна быть сильно приключенческая, а последняя часть – психологически-утопическая с диковинами и гвоздиками».

Сохранилась копия заявки, которую в декабре 1959 года АН подал в издательство «Молодая гвардия». Там сюжет «Возвращения» выглядит так (повторяю – это конец 1959-го: написано несколько вариантов начала, ни один из них не представляется авторам окончательным и даже просто годным к употреблению):

«...В самом начале 21-го века одна из первых межзвездных экспедиций, производившая эксперименты по движению на возлесветовых скоростях, выпадает из „своего“ времени и возвращается после перелета, продолжавшегося несколько лет, на Землю конца 22-го века. Перелет был трудный, выжили только два члена экипажа – штурман и врач. Они и являются героями повести. Оказавшись в коммунистическом будущем, они сначала теряются, не зная, смогут ли стать полезными членами общества, но затем находят свое место в общем строю, спешно наверстывают каждый в своей области все, чего добилось человечество за прошедшие два века, и приглашаются принять участие в дальней звездной экспедиции, имеющей целью найти во Вселенной братьев Человека по разуму. На новейшем по новому времени корабле (гравитабль, оборудованный „двигателями времени“) они достигают довольно отдаленной планетной системы, на одной из планет которой обнаруживают разумную жизнь. Следует встреча с иным человечеством, описание их жизни и приключения на незнакомой планете. Земляне с точки зрения этих людей являются новой, чрезвычайно стремительной и активной формой жизни. „Медленное человечество“ по условиям эволюционного развития на их планете очень плохо приспособлено к быстрому и активному прогрессу, настолько плохо, что, несмотря на значительно более длительную историю, чем история человечества на Земле, они едва успели добраться до употребления не очень сложных машин. Тем не менее „медленное человечество“ продолжает упорно, хотя и очень замедленными темпами, двигаться вперед. Оказав „братьям по разуму“ посильную помощь, земляне, несколько разочарованные, возвращаются на Землю. Они прибывают в Солнечную систему через тысячу лет. Земля изменилась неузнаваемо, все планеты земного типа „выправлены“ и стали такими же цветущими и заселенными мирами, как сама Земля. Планеты-гиганты „разрабатываются“ в качестве неисчерпаемых источников даровой энергии для грандиозных экспериментов по исследованию структуры пространства и времени и для сверхдальней связи с другими мирами Вселенной. Люди научились „тво-

речь“ любые вещи из любого вещества. Оказавшись в этом мире, герои снова на некоторое время теряются и снова находят свое место среди многих миллиардов „властелинов“ необычайных машин, „творцов“ новых миров и замечательных художников. ИДЕЯ. Показать две последовательные ступени развития человечества будущего. Показать неисчерпаемые технические и творческие возможности человечества. Показать, что люди будущего – именно люди, не утратившие ни любви, ни дружбы, ни страха потерь, ни способности восхищаться прекрасным. Показать некоторые детали коммунизма „во плоти“. Показать несостоятельность „теории“ ограниченных возможностей познания для человека, взятого отдельно».

Даже со скидкой на специфику издательской заявки как некоего особого жанра по прочтении этого текста приходится признать, что авторы явно так и не уяснили себе сами, что же они хотят писать – приключенческий роман или утопию. Это им еще предстоит выяснить. Методом проб и ошибок.

Сохранились наметки к роману в экспедиционном дневнике БН времен Харбаза и Кинжала – это была экспедиция АН СССР по поиску места для строительства на Северном Кавказе гигантского по тем временам 6-метрового телескопа, специальные наблюдения за качеством изображений производились на горах Харбаз, Кинжал и Бермамыт.

8.07.60: «Хорошо бы вставить в „В“ „Г<игантскую> Ф<люктуацию>“ как рассказ Горбовского (или Лурье)».

10.07.60: «Заставить героев «„В“ решать кроссворды 2300 года».

16.07.60: «Хорошо бы ввести в „В“ маленькие рассказы из нынешней жизни – для контраста и настроения – а la Хемингуэй или Дос-Пассос. Не позволят, наверное. (Блокада, война – Сталинград, военный коммунизм, 37-й год, смерть Сталина, целина, запуск спутника и ракеты...)»

8.07.60: «Юра <шофер>: «Я когда в конце сезона с машиной прощаюсь, каждый раз целую ее в баранку – прощай, милая». – Использовать для Горбовского или Кондратьева».

12.08.60: «Не забыть в „В“: „Можно я здесь прилягу“ – встреча с Горбовским».

«В конце главы VII. Горбовский (вдруг встает): Я вижу, вы томитесь, штурман Кондратьев. Завтра я познакомлю вас с одним человеком. Его фамилия Званцев. Он глубоководник».

<Для «В»> «Двое немцев держали политрука, завернув ему руки за спину, а третий срывал с него петлицы, срезал пистолет, рванул ворот. Он выстрелил из автомата, и все четверо упали, а он побежал в кусты. Немцы издевались над политруком. Он не знал, правильно ли сделал. Это были его первые».

13.08.60: «Глава „Собиратели информации“. Марс. Машина, собирающая информацию о прошлом Марса. Информаторы – маленькие машины. Машина начинает вести себя. Вызывают телепата. Лурье едет, едва услышав. Приключения – все в юмористическом духе. ИДЕЯ – бунт машины вещь забавная, а не страшная, ибо машина старается угодить, а не навредить человеку».

15.08.60: «Информаторы – микроскопические машины размером с бактерию. Механические бактерии (и в медицине)».

«Глава „Двое в беде“. Наш пилот попадает в ловушку, туда же попадает еще кто-то, с другой планеты. („И только тут он понял, что это не человек“.) Потом они выбираются и расстаются. Тот убегает, страшно спешит, неужели навсегда».

21.08.60: «Коммунизм – сообщество людей, любящих свой труд, стремящихся к познанию и честных с собой, с другими и в работе. Такие люди есть и сейчас».

24.08.60: «Идея: уже сейчас есть люди, годные для коммунизма; такими вы будете».

Там же и тогда же – один из первых планов повести:

«Ч. I.

1) Возвращение.

2) Чужие (больница) – сюда вставить историю корабля.

- 3) Злоумышленники.
- 4) Второе возвращение (одиночество). Идея: не гожусь я для коммунизма.
- 5) Свечи перед пультом.
- 6) Скатерть-самобранка.
- 7) Знакомство с Горбовским (он рассказывает «ГФ»).

Ч. II.

- 1) У рифа Октопус.
- 2) Странные люди.
- 3) Улавливатели информации! (Думать!)
- 4) Благоустроенная планета.
- 5) Заповедник (звероящеры и акклиматизированные существа, Лурье терпит там крушение).

6) Телепато-станция.

7) Такими вы будете...»

«Профессии:

1) Ассенизатор.

2) Дрессировщик.

3) Телепат.

4) Десантник.

5) Глубоководник.

6) Оператор-информатор („собиратель информации“).

7) Учитель».

28.08.60: «Лурье и Кондратьев не первые и не единствен~~ные~~. Две экспед~~иции~~ так уже возвращались (сто и сто пятьдесят лет назад). Одна погибла в поясе тяжелых систем. Вторая прибыла. Там было трое, и они жили долго и работали как надо и умерли в штанах».

«Вставить в главу „Риф Октопус“ дрессированных кальмаров, уничтожающих косаток. И дрессировщика».

По крайней мере половина этих наметок в дело не пошла. Особенно жалко мне сейчас тех самых «маленьких рассказиков из нынешней жизни а la Хемингуэй или Дос-Пассос». Мы называли их – «реминисценции». Все реминисценции эти были во благовремение написаны – каждая часть повести открывалась своей реминисценцией. Однако в Детгизе их отвергли самым решительным образом, что, впрочем, понятно – они были, пожалуй, слишком уж жестоки и натуралистичны. К сожалению, потом они все куда-то пропали, только АН использовал кое-какие из них для «Дьявола среди людей». На самом деле, в «Возвращении» они были бы на месте – они давали ощущение почти болезненного контраста – словно нарочитые черно-белые кадры в пышно-цветном роскошном кинофильме.

В те времена нас часто, охотно и все кому не лень ругали за то, что мы «не знаем реальной жизни». При этом безусловно имелось в виду, что мы не знаем ТЕМНЫХ сторон жизни, нас окружающей, что мы ее идеализируем, что не хватило мы еще как следует шилом патоки, что знать мы пока не знаем, насколько кисла курятина, и что петух жареный нас в маковку еще по-настоящему не клевал – словом, совсем как у Александра Исаевича: «...едете по жизни, семафоры зеленые».

Отчасти это было, положим, верно. Жизнь не часто и не систематически загоняла нас в свои мрачные тупики (АНа – почаще, БНа – совсем редко), а если и загоняла, то сама же из этих тупиков милостиво и выводила. Не было в нашей жизни настоящего безысходного невезенья, и с настоящей свинцовой несправедливостью встретиться никому из нас не довелось. На всякое невезенье случалось у нас через недолгое время свое везенье, а несправедливости судьбы и времени мы преодолевали сравнительно легко – как бегун преодолевает барьеры, теряя в скорости, но не в азарте. Как мне теперь ясно, оптимизм наш и даже некоторый романтизм тех

времен проистекали отнюдь не из того факта, что в жизни мы редко встречали плохих людей, – просто мы, слава богу, достаточно часто встречали хороших.

Однако жизнь, нас окружавшая, была такова, что не требовалось обязательно быть ее окровавленной или обгаженной жертвой, чтобы понимать, какая гигантская пропасть лежит между сегодняшним реальным миром и миром Полудня, который мы стремились изобразить.

Не углубляясь излишне в подробности наших биографий, приведу только два маленьких примера, два отрывка из все того же экспедиционного дневника:

«...Вчера читал чабанам краткую лекцию по астрономии. Их было четверо. Двое тупо молчали, и было видно, что они просто ничего не знают, ничего не понимают и об устройстве мира никогда не думают. Один – ветработник – кое-что кумекает, но смутно. Разницы между звездой и планетой для него не существует. Один – чабан – уверен, что Земля плоская, Солнце вращается вокруг нее, а на Луне сидит голый чабан. Он ничего не знает об искусственных спутниках и об облете Луны. Это – 52 км от Кисловодска».

Помню, особенно поражало меня тогда, что все они – молодые парни, кончили десятилетку и отслужили действительную. Как? Как ухитрились они сохранить такую первобытную девственность в простейших мировоззренческих вопросах? Каким образом получилось, что титаническая машина общеобразовательного процесса, а тем более машина радио-газетно-телевизионной пропаганды – прокрутились над их головами вхолостую?

Второй отрывок – запись, сделанная сразу после того, как наша группа, благодаря отчаянному мастерству шофера нашего Юры Варовенко и поистине большевистскому напору нач-группы Виктора Борисовича Новопашенного (Фельдмаршала), прорвалась по неезженным горным дорогам на мрачную плоскую гору с характерным названием Кинжал (чуть больше 4000 метров над уровнем моря).

«...Ночью Кинжал прекрасен. Вверху Луна, внизу – облака, под облаками тьма. Днем – Мухаммед. Рассказ о „точках“, где человек спать не может – „начинает бро`дить“, с ним случается „произведение“ – ду`хи, шайтаны. Поверил (м. б., газы?), а пять минут спустя он говорит, что у удавов – уши, „как у криси“. Мысленно развожу руками.

Выехали обратно и попали в лапы к партайгенацвале (инструктор КПСС от Совета Министров Дагестана). Потребовали документы. Взгляд на <фото>карточку – взгляд на Фельдмаршала. Вопросы: „А кто директор в Пулково? А кто начальник II кабардинского штаба? А кто там парторг? Не м. б., что вы проехали на Кинжал. Это неправда...“ Собственно, это основной пункт обвинения: невозможно проехать на Кинжал, они врут. Местная власть – человек с серебряной челюстью и лицом японца; во френче. На столе – „Казбек“ (не предлагает), радиоприемник, какие-то списки. Потом извинились („Вы должны понимать, что живете в Советском Союзе... в такой момент...“), подали армян и лепешки – мы гордо отказались...»

Да, мы (с АН) очень хорошо понимали, что живем именно в Советском Союзе и именно в «такой момент», и тем не менее мысль написать утопию – с одной стороны вполне а la Ефремов, но в то же время как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, – мысль эта возникла у нас самым естественным путем. Нам казалось чрезвычайно заманчивым и даже, пожалуй, необходимым изобразить МИР, В КОТОРОМ БЫЛО БЫ УЮТНО И ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ – не вообще кому угодно, а именно нам, сегодняшним, выдернутым из этого Советского Союза и из этого самого «момента».

Мы тогда еще не уяснили для себя, что возможны лишь три литературно-художественные концепции будущего: Будущее, в котором хочется жить; Будущее, в котором жить невозможно; и Будущее, Недоступное Пониманию, то есть расположенное по «ту сторону» сегодняшней морали.

Мы понимали, однако, что Ефремов создал мир, в котором живут и действуют люди специфические, небывалые еще люди, которыми мы все станем (может быть) через множество и множество веков, а значит, и не люди вовсе – модели людей, идеальные схемы, образцы для

подражания в лучшем случае. Мы ясно понимали, что Ефремов создал, собственно, классическую утопию – Мир, каким он ДОЛЖЕН БЫТЬ. (Это – особая концепция Будущего, лежащая за пределами художественной литературы, в области философии, социологии и научной этики – не роман уже, а, скорее, слегка беллетризованный трактат.)

Нам же хотелось совсем другого, мы отнюдь не стремились выходить за пределы художественной литературы, наоборот, нам нравилось писать о людях и о человеческих судьбах, о приключениях человека в Природе и Обществе. Кроме того, мы были уверены, что уже сегодня, сейчас, здесь, вокруг нас живут и трудятся люди, способные заполнить собой Светлый, Чистый, Интересный Мир, в котором не будет (или почти не будет) никаких «свинцовых мерзостей жизни».

Это было время, когда мы искренне верили в коммунизм как высшую и совершеннейшую стадию развития человеческого общества. Нас, правда, смущало, что в трудах классиков марксизма-ленинизма по поводу этого важнейшего этапа, по поводу фактически ЦЕЛИ ВСЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ сказано так мало, так скупо и так... неубедительно.

У классиков сказано было, что коммунизм это общество, в котором нет классов... Общество, в котором нет государства... Общество, в котором нет эксплуатации человека человеком... Нет войн, нет нищеты, нет социального неравенства...

А что, собственно, в этом обществе ЕСТЬ? Создавалось впечатление, что есть в том обществе только «знамя, на коем начертано: от каждого по способностям, каждому по его потребностям».

Этого нам было явно недостаточно. Перед мысленным взором нашим громоздился, сверкающая и переливающаяся, хрустально чистый, тщательно обеззараженный и восхитительно безопасный мир – мир великолепных зданий, ласковых и мирных пейзажей, роскошных пандусов и спиральных спусков, мир невероятного благополучия и благоустроенности, уютный и грандиозный одновременно, – но мир этот был пуст и неподвижен, словно роскошная декорация перед Спектаклем Века, который все никак не начинается, потому что его некому играть, да и пьеса пока еще не написана...

В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот сверкающий, но пустой мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из современников – нашими друзьями и близкими, чистыми, честными, добрыми людьми, превыше всего ценящими творческий труд и радость познания... Разумеется, мы несколько идеализировали и романтизировали своих друзей, но для такой идеализации у нас были два вполне реальных основания: во-первых, мы их любили, а во-вторых, их было, черт побери, за что любить!

Хорошо, говорили нам наши многочисленные оппоненты. Пусть это будут такие как мы. Но откуда мы возьмемся там в таких подавляющих количествах? И куда денутся необозримые массы нынешних хамов, тунеядцев, кое-какеров, интриганов, бездельных болтунов и принципиальных невежд, гордящихся своим невежеством?

Это-то просто, отвечали мы с горячностью. Медиана колоколообразной кривой распределения по нравственным и прочим качествам сдвинется со временем вправо, как это произошло, скажем, с кривой распределения человека по его физическому росту. Еще каких-нибудь три сотни лет назад средний рост мужика составлял 140–150 сантиметров, мужчина 170 сантиметров считался чуть ли не великаном, а посмотрите, что делается сейчас! И куда делись все эти стосорокасантиметровые карлики? Они остались, конечно, они встречаются и теперь, но теперь они редкость, такая же редкость, как двухметровые гиганты, которых три-четыре века назад не было вовсе. То же будет и с нравственностью. Добрый, честный, увлеченный своим делом человек сейчас относительно редок (точно так же, впрочем, как редок и полный отпетый бездельник и абсолютно безнадежный подлец), а через пару веков такой человек станет нормой, составит основную массу человеческого общества, а подонки и мерзавцы сделаются раритетными особями – один на миллион.

Ладно, говорили оппоненты. Предположим. Хотя никому не известно, на самом деле, движется ли она вообще, эта ваша «медиана распределения по нравственным качествам», а если и движется, то вправо ли? Ладно, пусть. Но что будет двигать этим вашим светлым обществом? Куда дальше оно будет развиваться? За счет каких конфликтов и внутренних противоречий? Ведь развитие – это борьба противоположностей, ведь все мы марксисты (не потому, что так уж убеждены в справедливости исторического материализма, а скорее потому, что ничего другого, как правило, не знаем). Ведь никаких фундаментальных («антагонистических») противоречий в вашем хрустальном сверкающем мире не осталось. Так не превращается ли он таким образом в застойное болото, в тупик, в конец человеческой истории, в равновидность этакой социальной эвтаназии?

Это был вопрос посерьезнее. Напрашивался ответ: непрерывная потребность в знании, непрерывный и бесконечный процесс исследования бесконечной Вселенной – вот движущая сила прогресса в Мире Полудня. Но это был в лучшем случае ответ на вопрос: чем они там все будут заниматься, в этом мире. Изменение же и совершенствование СОЦИАЛЬНОЙ структуры Мира из процедуры бесконечного познания никак не следовало.

Мы, помнится, попытались было выдвинуть теорию «борьбы хорошего с лучшим», как движущего рычага социального прогресса, но вызвали этим только взрыв насмешек и ядовитых замечаний – даже Би-Би-Си, сквозь заглушки, проехала по этой нашей теории, и вполне справедливо.

Между прочим, мы так и не нашли ответа на этот вопрос. Гораздо позднее мы ввели понятие Вертикального прогресса. Но, во-первых, само это понятие осталось у нас достаточно неопределенным, а во-вторых, случилось это двадцатью годами позже. А тогда эту зияющую идеологическую дыру нам нечем было залатать, и это раздражало нас, но в то же время и побуждало к новым поискам и дискуссионным изыскам.

В конце концов мы пришли к мысли, что строим отнюдь не Мир, который Должен Быть, и уж, конечно же, не Мир, который Обязательно Когда-нибудь Наступит, – мы строим Мир, в котором НАМ ХОТЕЛОСЬ бы ЖИТЬ и РАБОТАТЬ, – и ничего более. Мы совершенно снимали с себя обязанность доказывать ВОЗМОЖНОСТЬ и уж тем более – НЕИЗБЕЖНОСТЬ такого мира. Но, разумеется, при этом важнейшей нашей задачей оставалось сделать этот мир максимально правдоподобным, без лажи, без логических противоречий, восторженных сусальностей и социального сюсюканья.

Впрочем, ясное понимание этих довольно простых соображений пришло к нам значительно позже, добрый пяток лет спустя, когда мы работали над тем текстом романа, который помещен в этом вот издании. Первоначальный же текст (опубликованный в 1962 году) еще носил в себе все признаки исходного замысла: показать, как вживается человек сегодняшнего дня в мир Светлого Будущего. Впоследствии мы от этой затеи фактически отказались, мы просто рисовали панораму мира, пейзажи мира, картинки из жизни мира и портреты людей, его населяющих.

Но уже тогда, в 60-м, мы решительно отказались от сквозного сюжета в пользу мозаики, так что роман оказался разбит на отдельные, в общем-то не связанные между собою, главы, значительная часть которых представляла собою совершенно посторонние друг другу рассказы, написанные в разное время и по самым разным поводам. В частности:

– «Поражение» – рассказ задуман был еще в июне 1959 года. (АН: «Вот научная сторона: яйцо. Не куриное яйцо, и не твое, а кибернетическое яйцо, семя. Представь себе устройство, в которое заложена программа и возможности развития. Создано оно для того, чтобы обеспечивать межпланетникам уют при прибытии в иной мир...») Рассказ этот многократно переделывался и шлифовался, был опубликован вначале под названием «Белый конус Алаида», потом в сборнике «Шесть спичек» под названием «Поражение» и окончательно угнездился в романе «Полдень, XXII век» под тем же названием.

– «Странные люди» – воплощение идеи Десантников, «людей, которые сбрасываются на планеты, которые по разным причинам невозможно обследовать приборами». Идея эта возникла тогда же, в июне 1959 года. Позже (в ноябре 1959-го) был написан рассказ с этим названием, который опубликовать нигде не удалось. Главный редактор «Знание – сила» его решительно отверг, начальству «Смены» не понравился «этот странный героизм», а в «Юности» рассказ вызвал «недоумение, смешанное с легким испугом и робким удовольствием». Впрочем, Катаев его отверг, и больше мы его никуда не давали, а потом вставили в «Возвращение» под названием «Десантники».

– «Почти такие же» – первый черновик был закончен в конце ноября 1959-го. Неоднократно переписывался, как самостоятельный рассказ был опубликован в сборнике «Путь на Амальтею» и уже только в 1967 году вошел в роман.

– «Скатерть-самобранка» – закончен в конце 1959-го, отвергнут «Огоньком», потом вставлялся в «Возвращение» 1962-го и 67-го, был выброшен (за нехваткой места) в переиздании 75-го... В общем, как говорится, непростая судьба довольно простенького рассказика.

– «Ночь на Марсе» – первый вариант упоминается под названием НС (я не помню, как расшифровывается эта аббревиатура, помню только, что сначала рассказ назывался «Ночь в пустыне»), закончили мы его в январе 1960-го. После ряда доводок, переделок и доработок он пошел в журнал «Знание – сила» и окончательно утвердился в романе в 67-м году.

– «Благоустроенная планета» написана была в апреле 1960-го, как совершенно самостоятельный рассказ, попала сначала в альманах «Мир приключений», а уж потом только в «Возвращение», где оказалась очень на месте.

– «О странствующих и путешествующих» – рассказ написан был, видимо, в конце 62-го года. Неоднократно менял названия: «Мигранты», «Мещанин» и, наконец, «О странствующих...» (Это последнее название есть строчка из старинной молитвы: «О странствующих, путешествующих, страждущих, недугующих, плененных и о спасении их Господу помолимся!..» Слава богу, из редакторов никто этой идеологической диверсии не заметил, а если и заметил, то промолчал.) Прежде чем попасть в новый вариант «Полдня...», рассказ этот был опубликован в одном из ежегодных сборников фантастики.

И так далее. В издании 1967 года всего 19 рассказов, и 9 из них написаны были, так сказать, «сами по себе» и лишь позже оказались (после соответствующей обработки и доводки – приходилось менять героев, а иногда и время действия) включены в роман.

Вообще-то говоря, сам роман вырос из небольшого незаконченного рассказика (составившего впоследствии основное содержание главки «Перестарок»). Назывался этот рассказик «Возвращение», по той простой причине, что речь в нем шла о возвращении на Землю XXII века людей века двадцать первого, ставших, так сказать, жертвой известного «парадокса близнецов». Впоследствии, общаясь между собой, мы для простоты называли будущий роман «Возвращение», потому только, что это (посредственное) название у нас уже было, а настоящее (хорошее) название надо было еще придумать. И в авторской заявке будущий роман фигурировал как «Возвращение». И в планы редакционной подготовки его занесли под этим же названием. Так что когда пора настала книжку выпускать, произошло то, что происходило неоднократно и до того, и после: выяснилось, что во всех бумагах, списках, планах и прочих важных документах название уже зафиксировано, и теперь его не вырубишь топором.

А у нас уже было наготове название, которое нам действительно нравилось. Его придумал АН, прочитавший к тому времени роман Эндрю Нортон «Рассвет – 2250 от Р. Х.» – роман о Земле, еле-еле оживающей после катастрофы, уничтожившей нашу цивилизацию. «Полдень, XXII век» – это было точно, это было в стиле самого романа, и здесь, кроме всего прочего, был элемент полемики, очень для нас, тогдашних, важный. Братья Стругацкие принимали посильное участие в идеологической борьбе. Сражались, так сказать, в меру своих возможностей на идеологическом фронте. (Господи! Ведь мы тогда и в самом деле верили в необхо-

димось противопоставить мрачному, апокалиптическому, махрово-реакционному взгляду на будущее наш – советский, оптимистический, прогрессивный, краснознаменный и единственно верный!)

Новое название разрешено нам не было, но удалось-таки его втиснуть на обложку хотя бы и в качестве лишь подзаголовка. Впрочем, все это – пустяки. Нас ожидали неприятности покруче. Начались они с совершенно невинного сообщения АН (письмо от 23.03.62):

«...„Возвращение“ – по новому постановлению о порядке опубликования научно-фантастических и научно-художественных произведений отправлено цензурой в Главатом и вернется в Издательство в понедельник или во вторник, после чего выйдет в ближайший месяц...»

Не могу удержаться и передаю все дальнейшие события в строго хронологическом порядке.

8.04.62 – АН: «...„Возвращение“ все еще томится в застенках Главатома...»

12.04.62 – АН: «...Новостей никаких. „В“ все еще томится в гнусных застенках цензуры...»

25.04.62 – АН: «...Из Главатома молчат. Возможна эвакуация главы о телепатах...»

7.05.62 – АН: «...Так вот – неприятность № 1. Группа цензоров предложила Детгизу воздержаться от издания „Возвращения“. Главбух Детгиза уже робко приближался <...> в рассуждении – с кого и как содрать расходы по производству. Если ты собираешься раздражаться тирадами, сбереги дыхание. Цензоры тебя не слышат...»

12.05.62 – АН: «...С „В“ пока без изменений. Условия таковы, что сейчас пока предпринять ничего невозможно».

29.05.62 – АН: «Даю информацию. 1. Вчера из Главатома пришло „В“ с резолюцией, дословно такой: „В повести А. и Б. Стругацких секретных сведений не содержится, но она написана на низком уровне (!) и не рекомендуется к опубликованию“. Так-то. Сейчас же Нина Беркова⁵ отнесла эту резолюцию в Главлит. Но главлитского начальства не было на месте, и как отнесется Главлит к этой идиотской цидуле – неизвестно. Самое смешное – что книга наша Главлитом уже подписана, но из-за гнусной рекомендации ее опять задержали и могут вообще не выпустить...»

Для новых россиян считаю нужным пояснить: Главлит, то есть Главное управление по делам литературы, – это была та организация, которая ведала охраной государственной и военной тайны в литературе, дабы никакая секретная информация не проскочила в книге лопухого – а может быть, и злонамеренного! – писателя и не сделалась достоянием врага. До сих пор у нас была всего парочка мелких столкновений с цензурой – например, когда в «Извне» цензор потребовал, чтобы изменили все упоминавшиеся там номера автомашин – на любые, но другие. Как было сказано выше, в отношении «Возвращения» Главлит до сих пор вроде бы не питал никаких враждебных намерений, но вот теперь возник некий Главатом, организация новая, с иголки, с неясными пока задачами, но, видимо, с немалыми амбициями, раз с ходу берет на себя право судить об уровне художественного произведения.

3.06.62 – АН: «...С „В“ перемен никаких. Главлит не хочет подписывать разрешение к печати, пока не выяснится окончательно, что имели в виду подонки из Главатома, когда отписали, что повесть «на низком уровне». Этим теперь занимается главный редактор Детгиза тов. Компаниец В. Г.».

7.06.62 – АН: «...Все без перемен...»

И вот, наконец... Дальше я даю фактически полный текст письма АН, отправленного в интервале 8.06–12.06 (точной даты нет). Это обширный текст, но он, по-моему, представляет определенный интерес для каждого, кому захочется погрузиться в ностальгически светлые,

⁵ Нина Матвеевна Беркова – наш редактор на протяжении долгих лет, сделавшая очень много для АБС в Детгизе. – Примеч. БНС.

истинно советские времена, когда был Порядок и все было Нормально. Особенно считаю нужным подчеркнуть, что это – июнь 1962 года, совсем недавно отгремел XXII съезд КПСС, на дворе – разгар Первой Оттепели, «Один день Ивана Денисовича» вот-вот выдвинут на Ленинскую премию... и вообще – так вольно дышится в возрожденном Арканаре!

«...Вот и дождались светлого праздника: „Возвращение“ из Главлита получено, сдано в производство и выйдет, по утверждению нач. производственного отдела, в июле. Т. е. выйдет сигнал.

Но получилось все так, что мне даже не радостно. Мерзость случившегося беспредельна. Вот как это было.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ»

Действующие лица:

А. Стругацкий – автор.

Н. Беркова – редактор.

Компаниец – главный редактор Детгиза.

Пискунов – директор Детгиза.

Калинина – чин в Главлите.

Кондорицкий – крупный чин в Главатоме.

Калинин, Ильин – его референты.

Как ты помнишь, „В“ было передано в Главатом по требованию Главлита в середине марта. В середине апреля, после троекратного напоминания о том, что книгу нельзя задерживать так долго, что стоит производство и т. д., а также о том, что от них требуется всего-навсего сообщить, содержатся ли в книге закрытые сведения по атомной энергетике, в Детгиз пришла официальная бумага за подписью Кондорицкого: „Закрытых сведений в книге не содержится, но книгу печатать нельзя, потому что она написана на низком уровне“. Уповая на благоразумие главлитовских работников, мы переслали эту бумагу к ним. Действительно, через день Калинина сообщила, что книгу она, несмотря ни на что, подписала, но, чтобы отдать ее нам, она должна знать, что думает по поводу этой резолюции детгизовское начальство. И вот тут-то и началось. Пискунов сказал: „Очень сожалею, но из-за одной книжки я ссориться с государственным учреждением не буду“. Компаниец, вместо того чтобы позвонить Калининой и сказать, что плевал он на мнение главатомщиков, стал звонить к Кондорицкому, чтобы выяснить, что тот имел в виду под словами „написана на низком уровне“. Но тут оказалось, что сам Кондорицкий книгу не читал, а читал ее Калинин, а Калинин уехал в отпуск и вернется к середине июня. Так тянулось две недели. Беркова неумолимо сидела на Компаниеце и заставила его говорить с Кондорицким серьезно. В конце концов Кондорицкий не выдержал и сознался, что развернутое заключение на книгу, написанное Калининным, имеется, но дать он нам его не может, потому что оно секретное. „Хорошо, – сказал Компаниец, – я пришлю к вам своего сотрудника Беркову, пусть она посмотрит на это заключение“. Кондорицкому ничего не оставалось, кроме как согласиться. И вот Беркова отправилась в Главатом. Кондорицкий, конечно, ее не принял, а выслал ей второго своего референта, Ильина. Тот, рассыпаясь в извинениях, сказал, что заключение показать ей не может, оно-де не для посторонних глаз, но что он его помнит и может сообщить основные положения. Дальше произошел следующий разговор (имей в виду, что тут нет ни слова преувеличения):

Беркова: Итак, что имеется в виду, когда вы утверждаете, что книга на низком уровне?

Ильин: Книга очень сложна.

Б. – В чем же? Она содержит закрытые сведения?

И. – Нет, что вы...

Б. – В ней есть утверждения, противоречащие нашим взглядам на науку и технику?

И. – Нет, об этом в заключении не сказано.

Б. – Так при чем же здесь низкий уровень?

И. – Имеется в виду низкий литературный уровень.

Б. – Об этом судить не Главатому, но что же все-таки имеется в виду?

И. – В книге употребляется много сложных научно-технических терминов, которые непонятны рядовому читателю.

Б. – Например?

И. – Ну... всякие. Вот, например, есть термин, который, может, и употребляется среди узких специалистов, но массам он непонятен.

Б. – Какой именно?

И. – Сейчас вспомню. А... Абра... Ага, вот. Абракадабра. (Помнишь, Боб? „Это не сигналы, это абракадабра“.)

Б. (сдерживаясь) – Это не научный термин. А еще?

И. – Еще например есть термин... Ки... Кибер.

Б. – Вы слышали про такую науку – кибернетику?

И. – Слышал.

Б. – Вот это слово от этой науки.

И. – Вот я и говорю – не всем будет понятно.

Б. – И все остальные ваши замечания в таком вот духе?

И. – Да.

Беркова вернулась в Детгиз, доложила Компанийцу, тот сейчас же позвонил в Главлит, и через час мы с Берковой пошли в Главлит и забрали „В“. Сразу же отдали в производство. Вот и все.

Вот и все, что я хотел тебе сообщить. Здорово, правда?

Почти три месяца нервозности, остановка производства, убыток в несколько тысяч...»

Это было наше первое серьезное столкновение с машиной цензуры, причем, заметьте, не с Главлитом даже, а лишь с дочерним его филиалом. Мы тогда с огромным облегчением перевели дух, но мы и представления еще не имели, каково это бывает НА САМОМ ДЕЛЕ.

Вообще надо признать, что «Возвращение» совсем немного пострадало от идеологической правки и – только на редакционно-издательском уровне. Высшие инстанции, слава богу, не вмешивались. Во-первых, не та была фигура АБС, чтобы ими интересовались идеологические вожди; во-вторых, к фантастике относились в те времена вполне пренебрежительно, да и сами времена, повторяю, были чертовски либеральные.

Однако парочку-другую «лакейских» абзацев мне таки пришлось из повести выбросить, готовя ее к настоящему изданию. И первой же жертвой чистки стала многометровая статуя Ленина, установленная над Свердловском XXII века по настоятельной просьбе высшего редакционного начальства, – таким образом начальство хотело установить преемственность между сегодняшним и завтрашним днем. Мы, помнится, покривились, но вставку сделали. Кривились мы не потому, что имели что-нибудь против вождя мировой революции, наоборот, мы были о нем самого высокого мнения. Но от всех этих статуй, лозунгов и развевающихся знамен несло таким идеологическим подхалимажем, что естественное наше чувство литературного вкуса было покороблено и оскорблено.

Внимательному читателю надлежит иметь в виду, что, подготавливая это издание, я выбросил из старого «советского» текста все то, что мы оказались **ВЫНУЖДЕННЫ** вписать, но оставил в неприкосновенности все идеологические благоглупости, которые вставлены были авторами добровольно, так сказать, по зову сердца. Как-никак, а мы были людьми сво-

его времени, наверное, не самыми глупыми, но уж отнюдь и не самыми умными среди своих современников. Слова «коммунизм», «коммунист», «коммунары» – многое значили для нас тогда. В частности, они означали светлую цель и чистоту помыслов. Нам понадобился добрый десяток лет, чтобы понять суть дела. Понять, что «наш» коммунизм и коммунизм товарища Сулова не имеют между собой ничего общего. Что коммунист и член КПСС – понятия, как правило, несовместимые. Что между советским коммунистом и коммунизмом в нашем понимании общего не больше, чем между очковой змеей и интеллигенцией. Впрочем, все это было еще впереди. А тогда, в самом начале 60-х, слово «коммунизм» было для нас словом прозрачным, сверкающим, АБСОЛЮТНЫМ, и обозначало оно МИР, В КОТОРОМ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ.

«Возвращением» начался длинный цикл романов и повестей, действующими лицами которых были «люди Полудня». В романе был создан фон, декорация, неплохо продуманный мир – сцена, на которой сам бог велел нам разыгрывать представления, которые невозможно было по целому ряду причин и соображений разыграть в декорациях обычной, сегодняшней, реальной жизни. Мир Полудня родился, и авторы вступили в него, чтобы не покидать этого мира долгие три десятка лет.

«Стажеры»

Я не берусь назвать, даже с точностью до полугода, время, когда впервые мы заговорили об этом романе. В письме АН от 25.11.1960 я нашел строчку: «...Пора приступать и к „Стажеру“. Я начну с начала декабря. <...> сейчас я освободился и почти готов к работе».

Судя по всему, тогда же была подана некая заявка на новый роман под таким названием в «Молодую гвардию», но начать работу никак не удавалось – мы еще всю продолжали работать над «Возвращением».

19.03.61 – АН: «...Теперь о стажерстве. Ты зря взялся сейчас за восьмое небо. Давай все-таки делать стажера. Идея вот такая. Надо написать хорошую историю пацана-стажера (безотносительно к его профессии) в столкновении с людьми и обстоятельствами. Фантастика – только фон. Соответственно создать и новый план на фоне плана формального, который у нас уже есть. Дать образ удачливого, смелого, веселого парня. Можно или нет? Я вот-вот начну. Если хочешь, пиши „Седьмое небо“, а я „Стажера“. А потом – взяли! – и сделали сразу две вещи. А?»

Из этого письма следует, что у нас уже был тогда некий план нового романа и что этот роман назывался «Стажер». Как выглядел этот план, этой историей нам не сохранила, а вот что касается «Седьмого (оно же – восьмое) неба», то так мы называли сначала роман о магах XX века, впоследствии получивший условное название «Маги», а в конце концов – «Понедельник начинается в субботу».

Вообще-то, надо признать, что со «Стажером» этим мы не слишком долго запрягали, но еще быстрее ехали: 1–2 мая в Ленинграде «составили более или менее окончательный план „Стажера“ – весьма развернутый и с эмбрионами эпизодов». А уже 23.07 АН пишет: «...„Стажера“ в „Мол. Гв.“ сдал, пока, конечно, никаких известий нет». Роман был написан единым духом и за один присест в мае-июне 1961-го. Это было время, когда нам ничего не стоило писать по десять – двенадцать страниц черновика в день и так – на протяжении месяца, каждодневно, без уик-эндов и перерывов. Хорошее было время!

Впрочем, работа с романом (или повестью? никогда не понимал этих градаций) на самом деле продолжалась еще долго, до самого конца 1961-го. Осенью 61-го произошла смена названия. Насколько я помню, дело было в том, что многочисленные рецензенты (как штатные, так и доброхоты) дружно упрекали нас за то, что роман получился у нас про что угодно, но никак не про мальчика-стажера. Коренное же изменение названия было невозможно по причинам, уже привычным: заявка, редакционный план, издательский план – везде стоит уже черным по белому «Стажер», менять нельзя, ни-ни, ни в коем случае, и думать не можете!.. «Букву, однако же, одну только букву изменить можно?» – «Н-ну... разве что одну... пожалуй...» В результате появились «СтажерЫ» – роман (или все-таки повесть?) о Стажерах Будущего – Быкове, Жилине, Юрковском и иже с ними.

Закончив его (или – ее), авторы еще не подозревали тогда, что их интерес к освоению космоса как к важнейшему занятию людей ближнего будущего уже окончательно исчерпан и они никогда более не вернуться к этой теме. «Главное – на Земле» – они вложили этот лозунг в уста своему герою, не догадываясь, что это, на самом деле, отныне их собственный лозунг – и ныне, и присно, и до скончания веков, аминь!

Странное произведение. Межеумочное. Одно время мы очень любили его и даже им гордились – нам казалось, что это новое слово в фантастике, и в каком-то смысле так оно и было. Но очень скоро мы выросли из него. Много из того, что казалось нам в самом начале 60-х очевидным, перестало быть таковым. Очевидным стало нечто противоположное.

Я никогда не забуду одного эпизода, связанного со «Стажерами». Одно из самых стыдных воспоминаний моей молодости. Выступал я как-то в школьной библиотеке (было это вскоре

после выхода «Стажеров», скорее всего, зимой 62/63 гг.). Сначала все шло как обычно – гладко и скучно, а потом вдруг встал какой-то мальчик лет двенадцати и спросил (невинное дитя): «Почему у вас в романе рабочие из капиталистических стран не едут все в СССР? Ведь у нас хорошо, а у них там плохо?» Это был удар в поддых. Действительно, почему? Понятно, почему они не едут к нам сейчас – чего ради, да и кто их сюда пустит: граница на замке. Понятно, почему в страну Жилина и Юры Бородина не рвутся трактирщики Джойсы – чего им делать в стране победившего социализма? Но рабочие! Братья по классу! Почему? Как мы могли прохлопать эту очевидную проблему?.. Я неприлично онемел, а потом принялся лепетать какую-то чушь, которой теперь уже, слава богу, не помню. Положение спасла председательствующая учительница. Опытный педагог не потерялась ни на секунду: «Борис Натанович хочет сказать, – сообщила она, – что рабочие капиталистических стран любят свою родину и хотят бороться за социализм у себя дома». Борис Натанович тихонько вякнул что-то там в том смысле, что так, мол, оно и есть, и вечер вопросов и ответов покатился дальше уже без неприятных толчков и ухабов.

Всякое мировоззрение зиждется на вере и на фактах. Вера – важнее, но зато факты – сильнее. И если факты начинают подтачивать веру – беда. Приходится менять мировоззрение. Или становиться фанатиком. На выбор. Не знаю, что проще, но хорошо знаю, что хуже. В «Стажерах» Стругацкие меняют, а сразу же после – ломают свое мировоззрение. Они не захотели стать фанатиками. И слава богу.

«В наше интересное время»

Этот маленький рассказ был написан, видимо, в конце 60-го или в самом начале 1961 года – явно под впечатлением успехов в изучении Луны советскими космическими ракетами. Впервые он упоминается в письме АН от 19.03.61 в достаточно грустном контексте: «...ВНИВ не идет. Никто не желает брать. Некоторые рассматривают его как неудачную шутку. Послал в известинскую „Неделю“, но оттуда уже две недели ни слуха ни духа».

Так его и не взяли. Никто. А жаль: для своего времени рассказик выглядел вполне нетривиально. Ведь тогда главным в фантастике (в НАУЧНОЙ фантастике) считалось – сверкнуть новой оригинальной научной или околонаучной идеей. Мы и сами такую установку оценивали достаточно высоко. Но чудились нам уже тогда в фантастикее еще и другие, неуловимые пока, потенции, и, может быть, работая над этим рассказом, мы тщились выразить неясное, но уже живущее в нас предчувствие другой литературы, которую сами же пять-шесть лет спустя мы определим как «реалистическую фантастику» или «фантастический реализм». Тогда же, в начале 60-х, получив всеобщий и беспросветный отказ, мы сунули этот рассказик в папку с архивами и обнаружили его там спустя лет двадцать пять, когда печатать его нам было уже неинтересно.

Первые две страницы утрачены безвозвратно. Мы собирались, собирались, да так и не собрались их восстановить. Впрочем, насколько я помню, ничего особенно интересного там не происходит: сидит у себя на даче мученик-редактор, клянет дурную погоду и правит скучнейшую рукопись...

1961–1963 гг

«Попытка к бегству»

Эта небольшая повесть сыграла для нас огромную роль, она оказалась переломной для всего творчества ранних АБС. Сами авторы дружно считали, что «настоящие Стругацкие» начинаются именно с этой повести.

«Попытка...» – это наше первое произведение, где пересеклись Прошлое, Настоящее и Будущее, и мы впервые поняли, насколько эффективно и продуктивно – в чисто литературно-художественном плане – такое пересечение.

Это первое наше произведение, где мы открыли для себя тему Прогрессоров, хотя самого термина этого не было еще и в помине, а был только вопрос: следует ли высокоразвитой цивилизации вмешиваться в дела цивилизации отсталой – даже и с самыми благородными намерениями? Вопрос, по тем временам, отнюдь не тривиальный, ибо любой идеологически подкованный гражданин СССР (включая братьев Стругацких, естественно) уверен был, что вмешиваться да, надо, и даже необходимо, и всегда был готов привести пример Монголии, «которая из феодализма, благодаря бескорыстной помощи СССР, перескочила прямо в социализм».

Далее, это первое наше произведение, в котором мы ощутили всю сладость и волшебную силу ОТКАЗА ОТ ОБЪЯСНЕНИЙ. Любых объяснений – научно-фантастических, логических, чисто научных или даже псевдонаучных. Как сладостно, оказывается, сообщить читателю: произошло ТО-ТО и ТО-ТО, а вот ПОЧЕМУ это произошло, КАК произошло, откуда что взялось – НЕСУЩЕСТВЕННО! Ибо дело не в этом, а совсем в другом, в том самом, о чем повесть.

И, наконец, это было первое наше произведение, к которому мы пришли через жесточайший кризис, который казался нам абсолютно непреодолимым целых десять мучительных часов.

Первые попытки разработать сюжет относятся к январю 1962 года. Далекая планета, население на уровне рабовладельческого строя, остатки техники, брошенные здесь неряшливой сверхцивилизацией в незапамятные времена (между прочим, похоже на «Пикник», не правда ли?). Попытки жрецов и «античных» ученых исследовать и применить эту технику. А потом – прибытие на планету землян-коммунаров (в сопровождении дружественных гуманоидов из системы Сириуса-А) и – война, страшная, беспощадная, бессмысленная война, когда с одной стороны применяется сверхтехника, кое-как, методом тыка, освоенная невежественными жрецами, а с другой – не менее мощная техника землян и «сириусян», не понимающих, что происходит, но вынужденных отбиваться изо всех сил.

Черновик писался в феврале-марте 1962 года. Причем, помнится, поначалу мы не особенно даже спешили. Нам казалось, что план разработан вполне удовлетворительно, конец, правда, неясен пока, но разных эпизодов напридумано предостаточно, надобно только сесть и написать. Поэтому предварительно мы не спеша сделали рассказ под названием «Дорожный знак» (ставший впоследствии прологом к «Трудно быть богом»), а потом уже только перешли к повести.

У этой повести не было пока никакого названия, даже условно-кодowego, и в рабочем плане ее теперь отсутствовали какие-либо сириусяне, а была там компания молодых ребят XXII века – два парня и девушка, – которые отправились на малоисследованную планету – поохотиться и вообще размять кости. С ними летел странный, скучный и диковатый дядька, напросившийся чуть ли не в последний момент. Этот дядька на самом деле был специалист

по экспериментальной психологии, и намерен он был на протяжении всего путешествия тайно производить разнообразные психологические опыты над своими молодыми, ничего не подозревающими спутниками. Изюминка сюжета состояла как раз в том, что разные странные события на борту (эксперименты дядьки-психолога) плавно переходят в странные и страшные события на самой планете. Этот сюжетный ход мы, спустя десяток лет, не без успеха применили в фантастическом детективе «Дело об убийстве» («Отель У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА»). Здесь же ход не сработал. Почти сразу возник некий эмоциональный, а потом и логический тупик, писать стало трудно, вязко, тяжело, скучно. Написано было уже две или три главки, страниц двадцать, но ощущение тупика не проходило, оно усиливалось с каждой страницей. Стало ясно, что писать этот сюжет мы не хотим. Писать его неинтересно. Какое, черт побери, нам дело до всех этих молодых бездельников и до психологических над ними экспериментов? И при чем тут этот скучный зануда-дядька? И на кой черт нам вообще все эти войны, затеянные по недоразумению людьми, до которых нам нет никакого дела?.. Работа остановилась.

АН в отчаянии откупорил бутылку водки и хлопнул полстакана без всякой закуски. БН, как человек, к спиртному безразличный, мрачно бродил по комнате и садил сигарету за сигаретой. Оба молчали. Говорить было не о чем. И незачем. Это был тупик – абсолютный, замшелый, ледяной и тесный тупик. Первый настоящий тупик в нашей рабочей биографии.

Конечно, нам и раньше приходилось сталкиваться с «сопротивлением материала». Еще бы! И не раз, и не два. Возникало как бы временное удушье, хотелось вырваться, продрагаться, пробиться, потому что там, за непроходимой чащей неподатливого эпизода был свет, видна была дорога, обрисовывалась ясная и привлекательная сюжетная цель. В таких случаях мы просто бросали работу над заупрямившимся эпизодом, огибали его и двигались дальше. Мы уже научились оставлять в тылу мелкие, несущественные очаги сопротивления. «Вперед! – восклицал обычно в таких случаях АН. – Вперед! Они уже выдыхаются!» (Он цитировал «Сталинградскую...», кажется, «...битву» – фильм, безусловно лакейский и лживый, но не без впечатляющих режиссерских находок.) И не было еще случая, чтобы такая вот тактика «танковых клиньев» давала осечку. Недобитый эпизод впоследствии либо без труда приводился в соответствие с основным текстом, либо отбрасывался вовсе, ибо смотрелся ненужным на фоне уже выстроенной вещи.

Однако на этот раз мы столкнулись с явлением, нам доселе неизвестным. Перед нами была стена – мрачная и абсолютно непроницаемая, и за этой стеной ничего не было видно. Это была УТРАТА ЦЕЛИ. Нам стало неинтересно все, что мы до сих пор придумали, и уже написанные 10–20 страниц никуда нас не вели и ни для чего не годились.

Ощущение безысходности и отчаяния, обрушившееся на меня тогда, я запомнил очень хорошо – и сухость во рту, и судорогу мыслей, и болезненный звон в пустой башке... Но совершенно не помню, кого из нас осенила эта гениальная идея: сделать дядьку-психолога пришельцем из прошлого. «...А как он туда попал, в XXII век?» – «А никак. Тошно ему здесь у нас стало, он и сбежал...» – «Правильно! Прямо с допроса сбежал!» – «Или из концлагеря!..» Непроницаемая стена рухнула, и как сразу сделалось ясно и светло вокруг, несмотря на глупую уже ночь на дворе! Как стало нам снова интересно, как заработала фантазия, как предложения посыпались – словно из творческого рога изобилия! Весь план тут же, в ту же ночь, за несколько часов оказался вывернут наизнанку, выстроен заново и засверкал неопируемыми возможностями и перспективами... Великая вещь творческий кризис! Переживать его нестерпимо мучительно, но, когда он пережит, ты словно заново рождаешься и чувствуешь себя, словно каменный питон Каа, сбросивший старую кожу, – всемогущим, великим и прекрасным...

Повесть написана была на одном дыхании – за две-три недели – и получила название «Возлюби ближнего», очень скоро, впрочем, переделанное на «Возлюби дальнего». В первом варианте у нее вовсе не было эпилога, кончалась она расстрелом колонны равнодушных машин

из скорчера (называвшегося тогда бластером) и отчаянием Саула, осознавшего, что нет на свете силы, способной переломить ход истории. Потом (когда повесть попала уже в редакцию) вдруг выяснилось, что «возлюби дальнего» – это, оказывается, цитата из Ницше. («Низ-зя!») Тогда мы придумали эпилог, в котором Саул Репнин бежит из СОВЕТСКОГО концлагеря и заодно переименовали название на «Попытку к бегству». Этот номер у нас, впрочем, тоже не прошел – концлагерь пришлось все-таки переделать в немецкий (по настоятельному требованию начальства в «Молодой гвардии»), но даже и после всех этих перемен и переделок повесть смотрелась недурно и оказалась способна произвести небольшую сенсацию в узких литературных кругах. Даже такой ревнитель строгой, без всяких вольностей, научной фантастики, как Анатолий Днепров, объявил ее, помнится, гениальной: так ему понравился необъяснимый и необъясненный сквозьвременной скачок героя, – скачок, не имеющий никакого внутреннего обоснования, кроме самого что ни на есть главного: сюжетно-смыслового.

«Можно нарушать любые законы – литературные и реальной жизни, – отказываться от всякой логики и разрушать достоверность, действовать наперекор всему и всем мыслимым-немыслимым предписаниям и правилам, если только в результате достигается главная цель: в читателе вспыхивает готовность к сопереживанию, – и чем сильнее эта готовность, тем большие нарушения и разрушения позволяет совершать автору». Так, или примерно так, сформулировали мы для себя итоговый опыт работы с «Попыткой...», и этот вывод не раз в дальнейшем позволял нам «выходить из плоскости обычных (в том числе и собственных) представлений» – как происходило это и в «Понедельнике», и в «Улитке», и в «Граде обреченном», и в «Отягощенных злом» много-много лет спустя...

«Далекая Радуга»

В августе 1962 года в Москве состоялось первое (и, кажется, последнее) совещание писателей и критиков, работающих в жанре научной фантастики. Были там идейно нас всех нацеливающие доклады, встречи с довольно высокими начальниками (например с секретарем ЦК ВЛКСМ Леном Карпинским), дискуссии и кулуарные междусобойчики, а главное – был там нам показан по большому секрету фильм Крамера «На последнем берегу».

(Фильм этот сейчас почти забыт, а зря. В те годы, когда угроза ядерной катастрофы была не менее реальна, чем сегодня угроза, скажем, повальной наркомании, фильм этот произвел на весь мир такое страшное и мощное впечатление, что в ООН было даже принято решение – показать его в так называемый День Мира во всех странах одновременно. Даже наше высшее начальство скрепя сердце пошло на этот шаг и показало «На последнем берегу» в День Мира в одном (!) кинотеатре города Москвы. Хотя могло бы, между прочим, и не показывать вовсе: как известно, нам, советским, чужда была и непонятна тревога за ядерную безопасность – мы и так были уверены, что никакая ядерная катастрофа нам не грозит, а грозит она только гниющим империалистическим режимам Запада.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.